

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ АНТИ-МАКИАВЕЛЛИ

Перевод с немецкого П. П. ПРУДКОМ

АНТИ-МАКИАВЕЛЛИ, или ОПЫТ ВОЗРАЖЕНИЯ на МАКИАВЕЛЛИЕВУ
НАУКУ об образе государственного правления.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение Макиавелли, касающееся науки об образе государственного правления, по отношению к нравоведению обладает тем же самым свойством, что и сочинение Спинозы, связанное с рассуждением об исповедании веры. Спиноза учением своим разрушив основание веры, желал упразднить и само исповедание. В отличие от него Макиавелли, приведя в негодность науку управления, создал такое учение, которое здравый нрав превратило в ничто. Заблуждения первого были только заблуждениями его разума, но заблуждения последнего связаны также и с практикой исполнения тех оснований, которые приводились в его книге. Между тем, богословы, приняв вызов Спинозы, и, направив на него оружие своей учености, опровергли его самым основательнейшим образом, оградив тем самым учение о Божестве от его нападков. Макиавелли же, напротив, не взирая на то, что он проповедовал вредное нравоведение, хотя и был частично опровергнут некоторыми, однако даже до наших времен считался зантоком науки управления.

Поэтому я предпринял попытку защитить человечество от врага, который само это человечество стремится упразднить. Противопоставляя рассудок и здравомыслие обману и порокам, я вознамерился своими рассуждениями опровергнуть так сочинение Макиавелли — от первой главы до последней, чтобы это противоядие непосредственно следовало за заразой данного учения.

Я всегда считал Макиавеллиеву книгу об образе государственного правления одной из самых опаснейших среди всех вышедших до настоящего времени сочинений. Эта книга, без сомнения, должна дойти до рук любящих науку управления. Однако никто не способен так быстро посредством поощряющих слабости правил, приведенных в ней, быть развращен, как молодой честолюбивый человек, дух и разум которого еще не изощрены в том, чтоб правильно различить добро и зло.

И разве не почитается уже за зло то, что развращает невинность частного лица, несведущего в делах сего света? Но уж гораздо вредоноснее будет развращение государей, которые управляют народами, производят суд, являют пример своим подданным, и которые через свое благотворение, великодушие и милосердие должны быть живым подобием божества.

Наводнение, опустошающее земли, молнии, обращающие города в пепел и моровое поветрие, истребляющее народ целыми областями, не могут быть столь вредоносны, как опасное учение и необузданные страсти государей. Гроза небесная продолжаясь лишь малое время, опустошает только некоторые области. Убыток от них хотя бывает и чувствителен, однако его все же можно возместить. Но что касается пороков государей, то вред от них своему народу гораздо длительнее.

Когда государи имеют возможность делать добро, если они этого пожелают, то равным образом имеют они также власть и силу, по определению своему, делать зло, и тогда сожаления достойно то состояние подданных, в котором они находятся по причине злоупотребления высочайшей властью: если бывают подвержены опасностям их собственность от ненасытности государя, их вольность от его своенравия, их спокойствие от его честолюбия, их безопасность от его недоверчивости и их жизнь от его бесчеловечия. Печальна участь того государства, в котором правитель захотел бы царствовать по предписаниям Макиавелли.

Впрочем я не ранее того завершу свое вступление, как упомяну о тех, кто думают, будто Макиавелли скорее описывал то, что действительно делают сами государи, чем советовал, что им надлежит делать. Эта мысль многим понравилась потому, что позволила смотреть на сочинение Макиавелли как на сатиру.

Все те, кто против государей произнесли это изречение, без сомнения имели в виду злых князей, живших в одно время с Макиавелли, деяниями которых он руководствовался, или всех, кого обольстила жизнь некоторых тиранов, этого позорного пятна человечества. Я прошу этих судей, дыбы они приняли во внимание то, что соблазн

престолом бывает слишком силен, чтобы против него устояла добродетель, присущая человеческой природе, и, поэтому, не стоит удивляться, если среди столь великого числа добрых государей можно найти несколько злых. Так, из числа римских императоров, исключив Нерона, Калигулу и Тиберия, каждый вспоминает с удовольствием Тита, Траяна и Антония, пробретших добродетелью священное имя.

Таким образом, считаться должно за великую несправедливость, если бы бремя, которое принадлежит только некоторым из них, возложено было на всех государей, и поэтому следовало бы в жизнеописаниях сохранять имена только замечательных властителей. И, напротив, имена других вместе с их небрежением, несправедливостью и пороками, предавать вечному забвению. Правда, от этого уменьшилось бы число исторических книг, однако возвысилось бы человечество, и честь быть включенным в историю, и сохранить имя свое для будущих времен, или лучше сказать, предать себя вечному воспоминанию, стало бы воздаянием за добродетель. Тогда макиавеллиево сочинение не заражало бы уже больше политических кабинетов. Тогда бы каждый гнушался противоречий, в которые Макиавелли впадает беспрестанно, и свет согласился бы предпочесть истинную, основанную на правосудии, остроумии и милосердии, науку государственного управления несправедливому и гнусному учению, которое Макиавелли дерзнул предложить человечеству.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- I О различных видах правления, и каким образом можно стать государем.
- II. О наследственных государствах.
- III. О смешанных державах.
- IV. Каким образом сохранить престол.
- V. О завоеванных государствах.
- VI. О новых государствах, приобретенных храбростью и собственным оружием.
- VII. Как должно управлять завоеванным государством.
- VIII. О тех, которые стали государями посредством злодеяний.
- IX. О гражданских державах.
- X. О силе государств.
- XI. О духовных державах.
- XII. О разнообразном воинстве.
- XIII. О вспомогательном войске.
- XIV. Должно ли государю помышлять лишь о войне? Заблуждение взявшее свое начало от охоты.
- XV. В чем причина того, что людей, в особенности государей, восхваляют, либо ругают.
- XVI. О щедрости и управлении государем своим владением.
- XVII. О жестокости и милосердии, и лучше ли быть страшным, нежели любимым государем.
- XVIII. Как должно государю хранить данное им слово?
- XIX. Надлежит ли страшиться презрения и ненависти?
- XX. О различных вопросах, связанных с политической наукой
- XXI. Каким образом поступать государю, если он желает быть почитаемым.
- XXII. О министрах государей.
- XXIII. Как государю избегать льстецов.
- XXIV. Почему итальянские государи лишились своих земель.
- XXV. О влиянии искушения мирскими удовольствиями, и как ему можно противостоять.
- XXVI. О разных видах переговоров и о причинах войны, которые можно назвать законными.

ГЛАВА I. О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ПРАВЛЕНИЯ, И КАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО СТАТЬ ГОСУДАРЕМ.

Если кто-либо пожелает основательно рассуждать о некоторой вещи, то ему надлежит прежде всего исследовать ее свойство и, насколько это возможно, рассмотреть предшествующее ей; в этом случае ему нетрудно будет вывести отсюда и всевозможные следствия. Прежде, нежели Макиавелли сделал различие между державами по свойственному им образу правления, надлежало ему, по моему мнению, первоначально исследовать начало оно, и показать причины, побудившие вольный народ, принять себе государя.

А, поэтому, разве не следовало бы ему, как мне кажется, в книге, в которой он принялся проповедовать о злодеяниях и бесчеловечности, сделать напоминание о том, чем истребляется варварство? Макиавелли не говорит, в результате, о том, что народы для своего спокойствия и безопасности признали необходимым иметь судей для прекращения ссор, защитников для сохранения от неприятеля пользования своим имуществом и жизнью, государей для соединения частного с общенародным благом, что они ради своего блаженства в самом еще начале избирать из своего числа самых мудрейших, справедливейших, не корыстолюбивых, дружелюбных и мужественных людей.

И каждый государь должен почитать такой суд важнейшим для себя предметом, и он должен стремиться вершить его ради благоденствия народа, которое государь обязан предпочитать всем прочим выгодам. Правитель не является неограниченным собственником народа, но выступает для своих подданных ни кем иным, как верховным судьей. Но поскольку я предпринял последовательное опровержение вредного учения Макиавелли, то считаю нужным высказывать свое мнение в той мере, в которой его определяет содержание каждой главы.

Природа происхождения государей делает поступок тех, которые незаконным путем присваивают чужие земли, еще более жестоким. Они попирают ногами первый закон смертных, который состоит в том, что соединение в людей в державу происходит ради защищать от им подобных, и это тот самый закон, который осуждает бессовестных победителей. Они прямо вступают в противоречие с намерением, изъявленным народом. И, напротив, если народ находится под властью государя, который поработил его насильно, то в таком случае он не только самого себя, но и всю свою собственность жертвует ему, чтобы тем самым удовлетворить ненасытность и своенравие тирана.

Впрочем существует три законных средства с помощью которых можно стать государем: по наследству, по выбору того народа, который имеет право выбора, и, третье, если некто овладеет вражескими землями посредством справедливой войны. Все это полагаю я за основание, на которое буду ссылаться в последующих своих рассуждениях.

ГЛАВА II. О НАСЛЕДСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ.

Люди, как правило, ко всему тому, что в себе заключает древность, испытывают особенное почтение, и если говорить о власти, которую древность имеет над смертными, то ни одно иго не бывает сильнее, и ни одно из них не сносится столь охотно, как это. Я далеко от того, чтобы противоречить Макиавелли в том, в чем каждый соглашается с ним: да, наследственными государствами управлять удобнее всего.

Однако я к этому только хочу добавить, что наследные государи в своем владении укреплены бывают тесным союзом, утвержденным между ними и сильнейшими фамилиями государства, и государи уделяют княжеским дворам своей страны в благодарность большую часть своего имущества и величия. Счастье этих фамилий столь нераздельно со счастьем государя, что они его никак не могут оставить последнего, не почувствовав при этом также, что следствием этого с необходимостью будет и их собственное падение.

В наши времена многочисленное и сильное войско, как во время мира, так и во время войны, в готовности содержимое государями, весьма способствует безопасности государства. Оно удерживает в пределах границ честолюбие соседних монархов.

Маккиавелли говорит о том, что государю недостаточно быть украшенным простыми дарованиями, а я желал бы, чтобы, кроме этого, властитель помышлял и о том, как ему народ свой сделать счастливым. Народ, пребывающий в довольстве, никак не может помыслить о возмущении; блаженствующие больше страшатся лишиться такого государя, которой является их благодетелем. Поэтому никак не восстали бы голландцы против испанцев, если бы тирания последних не возросла настолько, что голландцы в случае восстания были по карйней мере не более несчастны чем до того¹.

Королевства Неаполь и Сицилия неоднократно отходили от Испании под власть императора, а от императора снова к Испании.² Во всякое время завоевание это было весьма легко осуществить потому, что обе власти казались весьма строгими, и потому народы этих государств при каждом завоевании питались надеждой найти в новом владыке своего защитника.

Какое различие между неаполитанцами и лотарингцами! Ибо когда последние с легкостью признали чужое господство, вся Лотарингия утопала в слезах. Они жалели о том, что лишались потомков тех герцогов, которые в течение многих столетий владели этим процветающим государством, тех, кого они причисляли к достойным любви государям. Память о герцоге Леопольде была для лотарингцев настолько любезна, что когда после его смерти вдовствующая супруга принуждена была оставить город Люневиль, весь народ пал на колени пред ее колесницей и несколько раз пытался остановить ее лошадей, и было тогда много соболезнования и пролития слез по этому поводу.³

ГЛАВА III. О СМЕШАННЫХ ДЕРЖАВАХ.

Пятнадцатое столетие, в которое жил Макиавелли, являлось еще довольно бесчеловечным. Тогда печальная слава победителей и крайние предприятия, возбуждившие к себе известное почтение по той причине, что они совершались во множестве, были предпочтены кротости, справедливости, взаимной симпатии и всем добродетелям. Ныне же я вижу, что человечность предпочтительнее всех свойств победителя. Ныне не поступают уже более столь дерзновенно, чтобы возвышать похвалами бесчеловечные страсти, являющиеся причиной всего, что опустошает этот мир.

Я охотно бы желал знать, что побуждает человека возвышаться? И по какой причине он может намереваться основывать свою власть на злосчастьи и гибели других людей? И как он мог думать завоевать славу в то время, когда он других делал несчастными? Новые приобретения государя не делают тех, кем он владел до этого, могущественнее; его подданные никакой от этого прибыли не имеют, и он заблуждается, воображая, что из-за этого он стал счастливее. Разве мало таких государей, которые с помощью своих полководцев овладели землями, которых они так никогда и не видели? Это и есть известный род воображаемых завоеваний, когда делают несчастными многих, чтобы тем удовлетворить своенаравие одного только человека, чаще всего совсем не заслуживающего того.

Допустим, что этот победитель овладел всем миром; но сможет ли он завоеванным управлять? Ибо сколь бы государь ни был велик и славен, однако он остается весьма

¹ Имеется в виду Нидерландская революция (1566 – 1609).

² Речь идет о событиях начала XVIII в., когда, после войны за Испанское наследство Неаполь перешел под власть Австрийского императора. Однако в 1735 г. в королевстве Обеих Сицилий (столицей которого был Неаполь) воцарилась испанская ветвь Бурбонов.

³ После войны за Польское наследство (1733-35) герцогство Лотарингское было передано Станиславу Лещинскому.

ограниченным существом. Едва ли он сможет вспомнить названия своих земель, — то, к чему, казалось бы побуждало его честолюбие, желавшее, чтобы о завоеваниях его было известно повсюду; однако даже для этого он оказывается мал.

Пространство земель, которыми обладает государь, не делает ему чести; несколько миль земли, прибавляемые им к своему владению, не делают его славным; ведь, напротив того, владеющие лишь десятой частью его земель бывают намного славнее.

Заблуждение Макиавелли при рассуждениях о славе победителя могло в свое время быть общепринятым в тогдашнем обществе, и, на самом деле, не являлось результатом его злобного характера. Впрочем, ничто не может быть так омерзительно, как некоторые средства, которые он предлагает для удержания завоеванных земель.

Если их исследовать подробно, то ни одно из них не является законным или справедливым. Необходимо, говорит, он, истребить весь род, владевший этими землями перед их завоеванием. Можно ли читать эти положения без содрогания сердца? Ведь это означает попираť ногами все, что есть святого в этом мире, и открывать дверь всяческим заблуждениям. Таким образом, если честолюбивый государь силой отторгнет земли от другого государя, то как можно предоставлять ему право тайно убить, или отравить ядом побежденного? Победитель, если он поступает таким образом, вводит тем самым обычай, который будет способствовать его собственному падению. Другой, честолюбивее и способнее его, воздаст ему тем же и, напав на его земли, с таким же бесчеловечием с которым тот казнил его предков, велит лишить его жизни. Макиавеллиево время предоставляет нам много примеров подобного рода. Не видим ли мы, что папа Александр VI находился в опасности низвержения с престола за его злодеяния, что гнусный его побочный сын Цезарь Борджиа, будучи лишен всех земель, скончался в ничтожестве, что Галеаццо Сфорца был умерщвлен в церкви, что Людовик Сфорца как узурпатор скончался во Франции в железной клетке, что Йоркские и Ланкастерские князья в конце концов истребили друг друга; что греческие императоры один другого тайно лишали жизни, пока в конце концов, турки воспользовавшись их злодеяниями и слабостью, вовсе их не уничтожили.⁴

Если в наши времена между христианами такие возмущения случаются редко, то это происходит по большей части потому, что теперь положения здравого нрава известны каждому. Все современные люди просветили свой разум, и мы должны за это благодарить ученых людей, которые очистили Европу от этого зверства.

В другом месте Макиавелли утверждает следующее: необходимо, чтобы победитель во вновь завоеванных землях основал себе резиденцию. Хотя это и не имеет отношение к жестокости, а в иных случаях может оказаться и полезным, все же следует принять во внимание: многие земли великих государей расположены так, что государи не могут оставить свое местопребывание без того, чтобы остальные земли не оказались при этом под угрозой. Государи являются первоначалом движения в государственном теле, и им нельзя оставлять центра своих владений, дабы не пришли в упадок уже находящиеся под его властью территории.

Третье политическое правило состоит в том, что необходимо во вновь завоеванных землях учредить колонии, чтобы тем самым быть уверенным в их преданности. Автор "Князя" в данном случае основывается на обычае римлян, но он упускает из виду то, что если бы римляне вместе с колониями не отправили в новые земли и легионов, то бы они очень скоро лишились бы своих приобретений. Он не рассуждает о том, что помимо

⁴ Александр VI Борджиа и Цезарь Борджиа — см. выше в материалах к «Князю» Макиавелли. Сфорца - династия миланских герцогов в 1450-1535. Галеаццо Мария был убит миланскими республиканцами в 1476 г., а Людовик (Лодовико) умер во Франции в заключении в начале XVI в. Ланкастеры — младшая ветвь династии Плантагенетов, узурпировавшая власть в Англии в 1399 г. В свою очередь в XV столетии были выеуждены вести длительную гражданскую войну с Йорками, так же претендовавшими на английскую корону (т.н. война "Алых и Белых Роз"). Греческие императоры — имеются в виду византийские императоры.

колоний и легионов римлянам необходимо было иметь также и союзников. Между тем римские колонии и легионы были в счастливые времена республики разумнейшими разбойниками, опустошающими в иные времена и всю вселенную. Они с помощью хитрости сохраняли, то что приобрели несправедливо. Наконец, этот народ имел ту же злую судьбу, что и остальные незаконные победители.

Но рассудим ныне, могут ли колонии, о которых столь несправедливо судит Макиавелли, быть такими полезными, как он нас в этом уверяет? Положим, что государи отрядают поселенцев туда либо во многом, либо в малом числе. Таким образом, если число их будет велико, они изгонят большое число новых подданных, опустошат их земли, если же будут они в малом числе, то не смогут сохранить в своем владении приобретенные земли и государи, не имея от этого никакой прибыли, сделают поселенцев несчастными.

Поэтому было бы гораздо справедливее в завоеванные земли отправлять солдат, которые, будучи сплочены воинской дисциплиною и порядком, не станут притеснять ни своих сограждан, ни подданных вновь завоеванных городов.

Это политическое правило было бы гораздо лучше первого, однако оно во времена Макиавелли не могло быть известно, ведь в те времена государи еще не имели достаточного войска, находящегося в постоянной готовности. Зато во всех странах находились разбойники, которые, собираясь вместе, питались грабежом и насилием.

В те времена не имели представления о том, как содержать в мирное время боеспособную армию, не имели также и никакого понятия о провианте для солдат, об их казармах и о других учреждениях, благодаря которым государство в мирное время могло пребывать в безопасности и от соседних держав и от войск, состоящих на жаловании.

Государь должен присоединять к своей державе князей, обладающих малыми землями, и защищать их; он должен также возбуждать между ними несогласие, чтобы мочь, когда пожелает возвысить их, или унижить. Это — четвертое правило Макиавелли. Таким образом поступал Хлодвиг⁵, и некоторые другие государи, которые не менее него были бесчеловечны. Но насколько же велико различие между этим тираном и подлинным государем, который мог бы стать для малых князей примирителем их ссор и несогласий и с помощью беспристрастного суда приобрести их почтение. Его разумность быстрее сделала бы подобного правителя отцом соседей, чем притеснение их земель. Тем более это верно, что его могущество должно служить им защитой, а не основанием для истребления. Далее, справедливо также и то, что государи, желающие других принцов возвысить насильно, сами бывали причиной своего падения, о чем свидетельствуют многие примеры нашего столетия⁶.

Из этого я делаю заключение, что победитель, незаконно добившийся своего, никогда этим не приобретет себе славы, и что тайное убийство в любое время является позором для рода человеческого. Считаю также, что государи, причиняющие новым своим подданным несправедливости и обиды, вместо того, чтобы пленять их сердца, настраивают их против себя, и что нет никаких оснований оправдывать подобные злодеяния, ибо это можно было бы сделать лишь при помощи тех положений, которые выдвигал Макиавелли.

ГЛАВА IV. КАКИМ ОБРАЗОМ СОХРАНИТЬ ПРЕСТОЛ.

Желающий рассуждать об устроении народов, должен прежде всего сделать между ними сравнение. Макиавелли сравнивает в этой главе турок и французов, которые

⁵ Хлодвиг — король франков (ум. 481-511 гг.), заложивший основы франкского могущества. Ловко использовал противоречия между соседями: алеманнами вестготами, галльско-римской державой Сиагрия, подчинив своей власти огромные территории от Гаронны до нижнего Рейна.

⁶ Речь идет о шведском короле Карле XII, который пытался посадить на польский престол вместо Августа II, курфюрста Саксонского, своего ставленника Станислава Лещинского. Северная война, одной из страниц которой была борьба за польскую корону, закончилась для шведской державы печально.

обычаями, нравами и устроением сильно отличаются друг от друга. Он исследует причины, делающие завоевание турецкого государства трудным, а удержание его простым. Кроме этого, он делает замечание, что Францию можно победить без особого труда, но что постоянное возмущение населения, которое последует за завоеванием, будет ежедневно угрожать спокойствию обладателя.

Макиавелли рассматривает эти вещи только с одной стороны. Он, имея в виду единственный образ правления, думает, что могущество Оттоманской Порты и Персидского государства основывается лишь на общепринятой у этих народов негуманности, и на том еще, что только один человек, считающийся главой государства, возводится ими на престол. Он думает, что неограниченная власть, таким образом утвержденная, является самым безопасным для государя средством спокойного царствования и противостояния неприятелю. Во времена Макиавелли было принято считать, что знатность и дворянство во Франции некоторым образом делят власть с государем, который в случае возмущения может оказаться в опасности.

Но я не уверен, что султан находится в меньшей безопасности, чем король. Различие между ними состоит только в том, что турецкий император принимает смерть от янычар; в отличие от него же некоторые французские короли, были погублены бродягами, монахами, или чудовищами, монахами вскормленными. Однако Макиавелли больше рассуждает в этой главе о политических изменениях, нежели об особенных случаях. Он в самом деле добрался до некоторых пружин различий между народами, но, по моему мнению, главнейших перемен он не исследовал.

Различие климата, питания и воспитания людей создают абсолютное неравенство между ними в жизни и устроении, а в этом и заключается причина того, что итальянский монах является человеком совсем другого рода, нежели китайский мудрец. Темперамент остроумного, но при том ипохондрического англичанина весьма отличается от кичливой отваги испанца, да и француз также мало имеет общего с голландцем, подобно тому как живость обезьяны отличается от медлительности черепахи.

Давно замечено, что восточные народы весьма строго придерживаясь древних своих обычаев и от них никогда не отклоняются. Их старинные традиции, отличающиеся от европейских законов исповеданием веры, обязывают их противостоять народам, которых они считают неверными и которые могут нанести ущерб их государям. Те же обычаи заставляют отвращать все, что может поколебать их исповедание. В результате, хотя их монархи часто бывают низвержены, государство остается целостным.

Образ жизни французского народа, во всем отличный от мусульманского, являлся отчасти причиной политических перемен, происходящих в этом государстве. Легкомыслие и непостоянство характеризуют этот любви достойный народ. Он беспокоен, своеволен и многие вещи ему быстро наскучивают, его тяга к переменам касалась и важнейших вещей. Кажется, что столь любимые и ненавидимые французами кардиналы, в течение длительного времени управлявшие государством на пользу себе⁷, использовали правила Макиавелли ради низвержения знатных лиц и прилаживания к характеру своего народа, чтобы таким образом предотвращать народные возмущения, которые из-за легкомыслия французов постоянно угрожали государству. Политика кардинала Ришелье не имела другой цели кроме унижения знати, дабы тем самым возвысить власть государя, и положить ее в основу управления. В этом он так преуспел, что до сего времени не видно во Франции никаких привилегий и признаков власти и силы, которые могли быть употреблены во зло знатными людьми.

Кардинал Мазарини последовал во всем примеру кардинала Ришелье, которому после многих попыток, встречавших ожесточенное сопротивление, удалось лишить парламент основных преимуществ, и сегодня общество во Франции представляет лишь

⁷ Имеются в виду знаменитые кардиналы Ришелье и Мазарини.

ть того, которое существовало ранее. Иногда случается и ныне, что оно заявляет о себе, но, как правило, ему затем приходится в этом раскаиваться.

Настоящее политическое искусство, побудившее министров учредить во Франции неограниченную власть, научило их также и тому, чтобы поддерживать в народе легкомыслие и непостоянство, — чтобы тот был менее опасен. Для этого устраивается много такого, что способствует бесполезному времяпровождению. Отмена привычного общественного устройства привела к тому, что те же самые люди, которые долгое время противоборствовали императору, которые в оные времена могли пригласить в государство стороннее вспомогательное войско, или восставать против Генриха IV и в то время, когда он находился в младенческом возрасте, учредить великие беспорядки⁸, так вот, эти же французы, утверждаю я, ни чем другим сегодня не заняты, кроме как стремлением следовать изменчивой моде, и потому довольно часто меняют свои склонности. Таким образом, взирая с удовольствием на одну вещь сегодня, завтра они ее презирают, показывая во всех своих делах непостоянство и легкомыслие — в том числе и по поводу своих любовниц, жилища и времяпровождения. Однако, несмотря на все это, сильные армии и большое число их крепостей убеждают их в том, что владеют они своим государством прочно, что позволяет им не страшиться ни внутренней брани, ни военных предприятий соседних держав.

ГЛАВА V. О ЗАВОЕВАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ.

Как управлять теми городами и княжествами, которые до завоевания имели собственные законы? По мнению Макиавелли, нет никакого иного средства удержать в подчинении вновь завоеванное вольное государство, кроме, как его разорение, и это он считает самым безопасным способом избежать возмущений впоследствии! Несколько лет назад один англичанин покончил жизнь самоубийством. После его смерти была найдена на столе записка, в которой, оправдывая свое злодеяние, он уведомляет что лишил себя жизни для того, чтобы никогда не болеть. Этот случай подобен разорению нового царства завоевателем, предпринятого для того, чтобы никогда его не лишиться. Я уже не говорю о человечности здесь, ибо это понятие вовсе чуждо Макиавелли.

Его, однако, можно опровергнуть собственным его оружием — корыстолюбием, душой его книги, богом его науки об управлении, а также собственными его злодеяниями. Макиавелли говорит, что государь, овладевший вольной державой, должен разорять ее для того, чтобы владеть ею без опаски. Но зачем тогда предпринял он это завоевание? Ответом будет, без сомнения, что оно необходимо было для увеличения его силы и могущества.

Именно это я и хотел доказать: он делает совершенно противоположное тому, к чему стремится. Ибо завоевание обходится ему весьма дорого: он опустошает те земли, которые могли ему принести ему вред, если бы их население восстало. Всякий согласится со мною в том, что обладание опустошенной и лишенной всех жителей земель, никак не делает сильным государя. Я считаю, что если бы какой-либо монарх имел пустоши, простирающиеся от Либена до Баркана, то это обладание не сделало бы его земли плодотворнее, и я уверен в том, что миллион барсов, львов, крокодилов с миллионами подданных, с изобильными городами, гаванями и многочисленными кораблями, с трудолюбивыми гражданами, солдатами и со всем тем, чего можно ожидать от многолюдной земли, нельзя поставить ни в какое сравнение с опустошенным краем. Всякий со мной согласится в том, что сила какого-либо государства не связана с обширностью его пределов; но с количеством живущих в нем людей. Взять хотя бы Россию и Голландию, в первой мы видим не что иное, как болота и бесплодные острова,

⁸ Вероятно Фридрих говорит о войнах галлов с Юлием Цезарем, а затем о событиях XVI в. — религиозных войнах, когда гугеноты приводили во Францию немецкие наемные войска. *Генрих IV* (Генрих Наваррский) — король Франции в 1589-1610 г., основатель династии Бурбонов.

возникшие из лона обширного океана, напротив, Голландия — малая республика, которая занимает площадь не более, чем на сорок восемь в длину и на сорок миль в ширину. При всем этом она является небольшим политическим телом, имеющим многочисленные внутренние связи. Многочисленный и трудолюбивый народ обитает на этой земле, и он очень силен и богат. Голландия смогла сбросить с себя иго испанского господства, господства самой сильной в те времена монархии в Европе. Торговля этой республики простирается до отдаленнейших частей света, в военное время она способна содержать пятьдесят тысяч человек войска, не говоря уже о сильном и весьма боеспособном флоте.

Но если вы обратите свой взор на Россию, то перед глазами предстанет неизмеримое государство, — земли его занимают огромную часть суши. Это государство с одной стороны граничит с Великой Татарией⁹ и Индией, а с другой стороны с Черным морем и Венгрией; пределы его простираются до Польши, Литвы и Курляндии. Швеция граничит с ним с севера. Россия простирается в ширину на триста, а в длину более, чем на шестьсот немецких миль¹⁰. Земля эта плодородна хлебом, и все то производит, что необходимо для жизни народа ее населяющего, более всего же она плодородна она около Москвы и в малой Татарии¹¹. Однако при всех этих упомянутых преимуществах ее населяют не больше пятнадцати миллионов жителей.

Эта нация, которая начала ныне славиться в Европе, не сильнее Голландии ни на море, ни на суше, что же касается до богатства, то в этом она далеко отстоит от Голландии.

Крепость государства заключена не в обширных владениях, и не во обладании великими степями или неизмеримыми пустынями, но в богатстве и множестве жителей. Поэтому, истинная выгода государя состоит в том, чтобы населить народом землю, и привести ее в цветущее состояние, но никоим образом не уменьшать число жителей и тем более не опустошать эту землю. Если злость, присущая Макиавелли, возбуждает омерзение, то о его рассуждениях остается только сожалеть, и поступил бы он гораздо справедливее, если бы научился правильно мыслить прежде чем, преподавать другим свою столь нелепую науку правления.

Государь должен в завоеванных землях учредить свою резиденцию. Это третье правило сочинителя, которое умереннее, нежели другие, и относительно которого я уже высказался, показав все трудности данного предприятия.

Мне кажется, что государь, завоевавший республику, к овладению которой имел законные причины, может удовольствоваться тем, что он уже наказал ее в достаточной степени, предоставляя ей вольность. Мало людей, которые думают подобным образом, те же из государей, которые придерживаются такого образа мыслей будут пребывать в безопасности и они создадут себе убежище в наиболее древних и почитаемых городах вновь завоеванных земель, дозволит народу пользоваться всеми их прежними правами и вольностями¹². О мы бесчувственные! Мы стремимся всем завладеть, как будто бы имеем достаточно времени для этого пользования этим, и будто жизнь наша не имеет конца. Наше время проходит гораздо быстрее, нежели мы думаем, и что, надеясь, что мы трудимся для себя, на самом деле труды эти пожинаят недостойные и неблагодарные потомки.

ГЛАВА VI. О НОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ХРАБРОСТЬЮ И СОБСТВЕННЫМ ОРУЖИЕМ.

Если бы люди были бесстрастны, тогда можно было бы простить Макиавелли то, что он желает украсить их таковыми. Он был бы новым Прометеем, который похищал

⁹ Фридрих имеет в виду манчжурский Китай.

¹⁰ В Европе в то время имели достаточно смутное представление о размерах России.

¹¹ Имеется в виду Поволжье.

¹² Фридрих говорит о городских республиках, очень сильных некогда в Италии.

небесный огонь, чтобы одушевить им бесчувственные машины. Но человек обладает совершенно иными свойствами, ибо ни один из них не бывает бесстрастен. Таким образом, если страсти умеренны, тогда люди, ими обладающие, бывают душою общества, но если дать страстям волю, тогда они приведут общество в замешательство.

Между всеми вожделениями, господствующими в нашей душе, нет ни одного, к которому бы мы не почувствовали бы влечения, однако ничто не бывает противнее для людей, ничто так не вредит славе света сего, как беспорядочное честолюбие и неумеренное желание ложной славы.

Частная особа, имеющая несчастье быть рожденной с такими наклонностями, весьма несчастна. Человек подобных качеств бывает нечувствителен в своих рассуждениях к происходящему в настоящем, ибо он живет надеждой будущего, и ничто на свете не может его удовлетворить. Честолюбие всегда примешивает горечь к тому удовольствию, которое он испытывает в настоящем

Честолюбивый государь еще более несчастен чем частное лицо, ибо его стремление к славе равняется на его положение, а, поэтому, своевольнее, необузданнее и ненасытнее. Если честь и величие являются пищей страстей частного лица; то провинции и королевства становятся пищей честолюбия монархов, и в этом случае частному лицу скорее удастся получить службу и должность, нежели государям завоевать королевства; следовательно, частное лицо скорее, чем государь способно удовлетворить свое честолюбие.

В качестве примера Макиавелли приводит Моисея, Кира, Ромула, Тесея и Гиерона. Этот список можно было продолжить за счет тех людей, которые основали особые религиозные движения, а именно, Магомета в Азии, Маго Капаком в Америке, Одним на Севере и многими другими религиозными предводителями со всего света.¹³

Это место замечательно тем, что выявляет всю откровенную подлость сочинителя при ссылке его на эти примеры. Макиавелли показывает честолюбие только с одной стороны. Он говорит о тех, кому счастье благоприятствовало, но обходит молчанием павших жертвой своих страстей. Это называется не иначе как обманывать людей, а в этом случае, Макиавелли является ни кем иным как площадным шарлатаном.

Для чего Макиавелли приводит нам эти примеры? Зачем говорит он о законодателе евреев, о первом обладателе Афин, о победителе мидян, об основателе Рима, чьи предприятия имели счастливое продолжение? Почему же не приводит он в пример некоторых государей, которые были несчастны, в подтверждение того, что если честолюбие отдельных людей сравнить с тем, к чему оно привело, то окажется, что многих оно ввергло в несчастье. Не был ли Жан фон Лейден главой анабаптистов¹⁴, который подвергся пытке калеными щипцами, сожжен и в железной клетке и повешен в городе Мюнстере. Был ли Кромвель счастлив, не был ли сын его низвержен с престола, и не велел ли он выкопать тело отца своего и повесить?¹⁵ Не казнили ли четырех евреев, которые после разорении Иерусалима объявили было себя мессией? И не окончил ли последний из них своего предприятия тем, что он приняв ислам, служил поваром у султана?¹⁶ Некогда Пипин низверг своего короля, с папского соизволения, с престола;¹⁷ но не умерщвлен ли был тайным образом и Гуго, который также своего короля с папского же позволения хотел лишить престола? Не наберется ли более тридцати религиозных

¹³ Автор смешивает реальные исторические лица и героев языческих эпосов.

¹⁴ *Анабаптисты* – сторонники т. н. вторичного крещения, религиозное течение времен начала Реформации, отрицавшее церковную иерархию и призывавшее к общности имущества.

¹⁵ Ричард Кромвель, сын Оливера, занял после смерти последнего в 1658 г. пост лорда-протектора Англии, но уже в 1659 г. был вынужден уйти в отставку.

¹⁶ Возможно, речь идет о событиях, последовавших за взятием Иерусалима Салах-ад-дином в 1187 г.

¹⁷ *Пипин Короткий* (714 – 768гг.) — франкский король, в 751 г. сверг последнего представителя династии Меровингов и основал династию Каролингов.

предводителей, и более тысячи других честолюбцев, которые бесславной смертью окончили свой жизненный путь?

Мне кажется, что Макиавелли без предварительного рассуждения приводит в пример Моисея с Ромулом, Киром и Тесеем. Если Моисей не имел вдохновения от Бога, чему никак верить нельзя, то его надлежит почитать не иначе, как обманщиком, который имя Бога, подобно поэтам, использовал для разрешения тех вещей, которых сам понять не мог. Итак, если рассуждать о Моисее, как о простом человеке, то он имел малые способности. Сей человек вел еврейский народом в течение сорока лет по такому пути, который можно было бы пройти за шесть недель.¹⁸ Он, не имея премудрости египтян и поэтому не мог сравниться с Ромулом, Тесеем и другими героями. Если Моисей имел от Бога вдохновение, чего никак оспорить нельзя; то его можно считать слепым орудием Божьего всемогущества. Следовательно предводитель евреев, был гораздо менее заслуженным человеком, нежели основатель Римского царства, персидский монарх и герои, совершившие своим собственным могуществом и храбростью знатные дела. И они в таком случае, почитаются в большей степени, чем те, которые Моисей совершил благодаря непосредственному Божьему присутствию. Он предводительствовал только народом в пустыне; но не созидал никаких городов, не основывал никакого царства, не учреждал торгов, не пекся о распространении наук и не приводил их в цветущее состояние. Поэтому следует в его лице молиться Божьему предвидению, а у других героев, наоборот, следует рассматривать их рассудительность.

Я признаюсь без всякой позы, что требуется немало разума, отваги и способности, чтобы сравниться с Тесеем, Киром, Ромулом и Магометом; но я не знаю, можно ли приписать им слово «добродетельный». Храбрость и способность найти можно и в разбойниках, и в героях; различие между ними состоит только в том, что победитель считается знатным и славным разбойником, в противоположность этому другой является неизвестным и ничего не значащим человеком. Один из них за свою наглость носит лавровую ветвь и слышит похвалу, другой же, напротив, на шее своей носит петлю. В самом деле, насколько кто-нибудь желает вводить новое, настолько часто встречаются ему разнообразные препятствия, и поэтому пророк, сопровождаемый армией, в состоянии сделать правоверными гораздо большее число людей, нежели тот кто действовал одними только доводами. Поистине, справедливо, что если бы христианская вера ограждалась одними только словопрениями, то она долго пребыла бы слабой и притесненной. Распространилась же она в Европе лишь после того, как за нее было пролито много человеческой крови. Равным образом справедливо также и то, что некоторые общеизвестные ныне мнения и реформы введены были с небольшим трудом, однако как много наберется таких вер и сект, которые возникли беспрепятственно? Поэтому нововведения такого рода осуществляются за счет фанатичных поступков...

Если бы Роланд и Жан фон Лейден жили в то время, когда люди еще были дикими, то их можно было бы поставить вровень с Осирисом¹⁹. В наши же времена Осирис уже был бы не в почете.

Кроме этого мне остается еще сделать замечание о Гиероне и Сиракузах, которых Макиавелли представляет в качестве примера тем, кто с помощью своих друзей и их воинской силы взойшли на высочайшую степень достоинств. Гиерон отрешился от своих соратников и солдат, много сделавших ради успеха его предприятия и принял на их места новых друзей и других солдат. Я защищаю вопреки Макиавелли и прочим, что гиеронова политическая наука была негодной, и что было бы гораздо разумнее доверить себя тому народу, храбрость которого испытана и тем соратникам, верность которых проверена, нежели неизвестным, в которых еще нет уверенности.

¹⁸ Речь идет о странствиях израильтян в пустыне.

¹⁹ Египетское божество, с которым, по мнению европейцев XVII-XVIII вв., египтяне связывали созидание всяческих благ цивилизации и представлений о нравственности.

Впрочем, хочу я заметить еще и то, что с разными именами, которые использует Макиавелли, необходимо поступать бережно. Никто не должен быть введен ими в заблуждение, ибо от этого может пострадать добродетель. Злодеяние — вот единственный ключ, который помогает нам разобраться в неясных местах сочинения Макиавелли. Так, например, итальянцы называют музыку и землемерие *la virtù*, у Макиавелли же это имя употребляется неверно.

Вообще же, как мне кажется, в конце этой главы стоит сделать заключение, что лишь в тех случаях частная особа может возвыситься до королевского достоинства, — когда она рождена в выборном королевстве, либо же если она свое отечество освободит от опасности.

Собесский в Польше, Густав Ваза в Швеции и Антонин в Риме являют именно такие примеры.²⁰ Цезарь же Борджиа является примером только для Макиавелли. К числу же моих героев следует отнести Марка Аврелия.

ГЛАВА VII. КАК ДОЛЖНО УПРАВЛЯТЬ ЗАВОЕВАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ.

Если сравнить фенелонова принца²¹ с макиавеллиевым государем; то в первом найти можно благодушие, справедливость и все остальные добродетели, и, кажется, что он состоит из самых чистейших духов, мудрости которых, как считается, поручена забота об управлении всем светом. В противоположность этому, в макиавеллиевом государе мы находим злодеяния, неверность и все неистовства. Одним словом, он является чудовищем, которого и сама Геена с трудом могла бы произвести.

Когда читаем фенелонова Телемака, то кажется, будто мы приближаемся к ангельскому, но если читать о государе Макиавелли, то кажется, что мы тем самым приближаемся к дьявольскому.

Цезарь Борджиа, или герцог Валентино, считается примером, в соответствии с которым Макиавелли изображает своего государя. При этом флорентиец столь бесстыден, что представляет Цезаря как пример для тех, кто прославился с помощью своих друзей, или их оружия.

Поэтому я почел необходимым познакомиться с Цезарем Борджиа подробнее, чтобы иметь точное представление и об этом герое, и о восхваляющем его ораторе. Нет ни одного злодеяния, которого бы Борджиа не совершил. Борджиа велел убить своего брата в присутствии своей сестры, он приказал казнить папских швейцарцев²² для того, чтобы отомстить тем из них, которые разозлили его мать, он, утоляя свою корысть, отобрал у кардиналов все их владения, он лишил законного имения герцога Урбинского, он повелел казнить бесчеловечного своего слугу д'Орко, он сжил со света с помощью гнуснейшей измены нескольких принцев в Сенегалии, жизнь которых, как он считал, стоит на пути его корыстолюбия; он повелел утопить одну знатную венецианскую женщину, которой овладел по своей прихоти, и сколь многие еще злодеяния были исполнены по его повелению.²³ Но кто может перечислить все его злодеяния? Вот тот самый человек, которого Макиавелли ставит в пример всем великим мужам и героям, считая его жизнь достойной быть образцом всем тем, кто с помощью удачи прославились в свете!

²⁰ *Ян Собесский* (1629-1696 гг.) — знаменитый польский полководец, избранный в 1674 г. королем Речи Посполитой. *Густав Ваза* (1496-1560 гг.) — шведский аристократ, вождь антидатского восстания в 1521-23 гг., после которого был избран королем Швеции. *Антонин Пий* (86-161 гг.) — римский император (с 138 г.). Был усыновлен императором Адрианом и назначен наследником престола за свои выдающиеся способности администратора.

²¹ *Франсуа Фенелон* (1651 – 1715) французский писатель, воспевающий в своем произведении «Приключения Телемака» идею просвещенной монархии.

²² То есть наемников, охранявших жизнь папы.

²³ Судя по всему Фридрих черпал сведения из многочисленных произведений, посвященных истории семейства Борджиа, основывающихся на дневниках Буркарда, церемониймейстера папы Александра VI.

Однако я намерен опровергнуть Макиавелли еще более верным способом, чтобы те, кто придерживается с ним одних мыслей, не могли себе отыскать никакого убежища, и не могли бы защитить свою злонамеренность. Цезарь Борджиа создавал основания для своего величия, нападая на итальянских князей. Если я, говорил он, желаю воспользоваться имуществом своих соседей, то необходимо их ослабить, но чтобы их обессилить, необходимо между ими посеять вражду. Вот какова логика злобного духа!

Борджиа, желая приобрести себе опору, старался склонить Александра VI к разрушению брачного союза Людовика XII, чтоб воспользоваться затем его помощью. Таким образом те, кто примером своим должны были исправить весь мир, часто употребляли небесную выгоду для прикрытия своего корыстолюбия. Таким образом, многие политики, помышляя о собственной пользе, притворялись будто они действуют по велению небес. Если бракосочетание Людовика XII было такого рода, что его следовало запретить, то папе, при его положении, следовало это сделать, но если с тем бракосочетанием все было в порядке, тогда глава Римской церкви должен был бы оставаться с спокойствием²⁴...

Однако мы не желаем исследовать больше пороки Борджиа и рассматривать его подлости, разве только постольку, поскольку они могут быть выданы за подлинные благодеяния. Борджиа желал уничтожить некоторых князей: Урбино, Вителлоццо, Оливеротто, Ферма и других дворов; при этом Макиавелли утверждает, что он совершил это весьма проворно, что Цезарю удалось, подговорить тех прибыть в город Сенегалию, где он изменническим образом и велел их казнить. Верность людей употреблять во зло им же, совершать коварные поступки и быть клятвопреступником, — вот что называет учитель бездельников рассудительностью. Но я спрашиваю, считается ли рассудительностью способность показать каким образом можно стать клятвопреступником? Если ты сам нарушаешь клятву и присягу, то как можно тебе иметь верных граждан? Если ты подаешь пример к измене, то и сам страшишься предательства, если ты служишь примером тайного убийства, то и сам остерегайся кровожадных рук своих учеников. Борджиа поставил бесчеловечного д'Орко градоначальником Романьи, чтобы тот искоренил беспорядки. Таким образом Борджиа наказывал других за меньшие проступки, чем он сам совершал. Этот самый лютый из грабителей, наиковарнейший из клятвопреступников, наисвирепейший из тайных убийц и наипозорнейший из отравителей, осуждал некоторых бездельников к страшнейшим наказаниям за то, что они только в некоторых случаях, и то в небольшой степени, следовали характеру нового своего государя. Польский король²⁵, кончина которого причинила многие беспокойства в Европе, праведнее и благороднее него поступал, даже против своих саксонских подданных.

По букве саксонских прав, каждого прелюбодея надлежало казнить смертью. Я не намерен здесь исследовать причины этого варварского закона, который можно связывать больше с итальянскою ревностью, нежели с немецким терпением. Август же имел обязанность подписывать все смертные приговоры. Однако он, чувствуя побуждения любви и человечности, даровал однажды преступнику жизнь, отменив этот строгий закон, который негласно приговаривал к смерти и его самого.²⁶ Поступок этого короля показывал его человечность, но Цезарь Борджиа никак и никого не наказывал иначе, чем как лютый тиран. Именно он повелел бесчеловечного д'Орка, столь совершенно

²⁴ Речь идет о бракоразводном процессе Людовика XII и Жанны Французской, дочери Людовика XI, который провел в угоду французскому королю Александру VI.

²⁵ Речь идет об Августе II Сильном (1697 – 1733) курфюрсте саксонском и короле польском, имевшем достаточно сложный характер, после смерти которого возник вопрос о престолонаследии. Поскольку Польша была выборной монархией, то помимо Августа III на престол претендовал Станислав Лещинский. В результате вспыхнула всеевропейская война. На стороне Августа III выступила Австрия и Россия, на стороне Станислава — Франция. Фридрих II участвовал в этой войне, сопровождая знаменитого австрийского генералиссимуса Евгения Савойского.

²⁶ Многочисленные романы Августа гремели по всей Европе.

проводившего его политику, изрубить в куски, чтобы благодаря этому понравиться народу. В нем он наказал орудие своих собственных злодеяний. Тягость бесчеловечности наиболее несносна, тогда, когда тиран желает облечь ее в невинность, и когда угнетение осуществляется под видом закона. Но поскольку предосторожность Борджиа предусматривала и возможность смерти папы, его отца, то он начал истреблять всех тех, у кого он отнял имущество, чтобы новый папа не мог использовать против него обиженных людей.

Видите, насколько он от одного порока стремится к другому; для удовлетворения потребностей нужны деньги, но чтобы их получить, необходимо грабить, а чтобы безопаснее воспользоваться награбленным, то следует истреблять владельцев этого имущества. Вот умозаключения разбойников! Борджиа для того, чтобы отравить ядом некоторых кардиналов, велел их всех пригласить к своему отцу на угощение. Папа и он из незнания схватились за ядовитый напиток, отчего Александр IV тогда же скончался, Борджиа же остался в живых, — для того, чтобы окончить свою злосчастную жизнь, как обыкновенно ее завершают отравители и тайные убийцы.²⁷

Видите, какое остроумие, проворство и добродетель восхваляет Макиавелли! Боссюэ, Флетчер и Плиний не могли выше возвысить своих героев²⁸, чем Макиавелли восхвалил Цезаря Борджиа. Если бы это была только похвала или риторическая фигура, то его можно было бы похвалить за остроумие, но следовало бы гнущаться его выбора. Однако он имел он в виду нечто совсем иное, ибо книга его является книгой политической, которая сохранялась и для потомства. Она представляет собой труд, в котором Макиавелли столь бесстыден, что даже самому гнуснейшему извергу, из всех порожденных Гееною, он приписывает похвалы, — а ведь это означает не что иное, как подвержения себя ненависти рода человеческого.

ГЛАВА VIII. О ТЕХ, КОТОРЫЕ СТАЛИ ГОСУДАРЯМИ ПОСРЕДСТВОМ ЗЛОДЕЯНИЙ.

Я употребляю здесь собственные слова Макиавелли, чтобы скорее его изобличить, ибо что можно еще о нем сказать худшего, кроме того, что он предписывает правила тем, кто с помощью своих пороков стали государями? Об этом говорит само название данной главы. Если бы Макиавелли был назначен учить в школе бездельников порокам, или в университете изменников толковать о неверности, тогда не следовало бы удивляться тому, что он нам предлагает такое учение; но он обращается к человеческому роду, имея при всем том дело с людьми, которые по положению своему должны были бы стать самыми добродетельными, с теми, кто должен управлять другими. Что может быть порочнее и бесстыднее, чем давать им наставление о неверности и убийстве? По большей части для пользы этого мира, надлежало бы желать, чтобы примеры такого рода, являемые Агафоклом и Оливеротто да Ферма, о которых Макиавелли вспоминает с удовольствием, не были известны свету. Жизнь Агафокла, или Оливеротто да Ферма, находит отклик в том человеке, который внутренне готов к злодеяниям еще до того как он откроет и оживотворит это опасное семя в себе. Как много таких молодых людей, которые через чтение романов, так развратили свой разум, что они ни о чем другом не хотят помыслить, как о Гандалине или Медоре²⁹. Равным образом и размышление часто приводит к тому, что один разум заражается от другого.

²⁷ Смерть Александра VI стала, скорее всего, результатом малярии. Цезарь Борджиа погиб в 1507 г. во время военных действий в Наваррском королевстве.

²⁸ Жак Боссюэ (1627 – 1704 гг.) – французский богослов, писатель, философ истории, проповедующий идеи провиденциализма. В некоторых своих сочинениях восхвалял идею просвещенной монархии. Джон Флетчер (1579 – 1625 гг.) – английский драматург. Плиний Младший — Гай Плиний Цецилий Секунд (61 – 114 гг.), римский консул, писатель, автор панегирика императору Траяну.

²⁹ Герои популярных новелл.

Подобный герой является королем, у которого непомерные добродетели превратились в злодеяния. Взять хотя бы Карла XII, который с молодых ногтей ставил себе в пример жизнь Александра Великого, и те, кто хорошо знал этого северного Александра, удостоверяют, что Квинт Курций был причиной опустошения Польши, и что сражение под Арбелою явилось причиной поражения под Полтавой³⁰.

К этому примеру хотел бы я добавить и еще кое-что. Если речь идет о человеческом разуме, то здесь исчезает различие в чинах. Короли — те же самые люди; а все между собою равны. Причины, которые оказывают влияние на наш разум весьма разнообразны. Несколько лет тому назад в Лондоне произошла следующая история. Здесь была сыграна одна вздорная комедия, под заглавием «Воры и мошенники», в которой показаны были некоторые ппиемы воров. В результате вскоре многие на собственном опыте убедились в проворстве преступников, лишившись перстней, табакерок и карманных часов. Сочинитель этой пьесы в короткое время нашел себе учеников, которые использовали свое искусство даже в партере. Вот сколь вредно приводить злые примеры.

Первое рассуждение Макиавелли основано на примерах Агафокла и Оливеротто, которые, будучи вероломны, сохранили себя как властителей своих малых держав. Он приписывает их благополучие именно вероломству. Желательно было, чтобы Макиавелли приводил в пример только Александра, но он говорит о разумном и удачливом поведении Агафокла и Фермо. Варварские и бесчеловечные деяния следует осуществлять, считает Макиавелли, последовательно. Злодеяния, которые должны принести пользу, следует осуществлять сразу. Вели тех, говорит он, кто тебе подозрителен, и кто объявил себя твоими врагами, умертвить всех до одного. Причем не следует со своим мщением мешкать. Макиавелли восхваляет такие дела, как сицилианское вече и парижскую кровопролитную свадьбу³¹, где совершены такие злодеяния, от которых все человечество ужасается. Эти преступления он не считает большим грехом, при условии, если их осуществить разом. Ужас от преступлений держится до тех пор, пока они еще свежи в памяти. От злодеяний, осуществленных сразу, ужас проходит быстрее, нежели от тех, которые происходят постепенно. Как будто не одно и то же казнить за один день тысячу человек, или умерщвлять их по одному! Разве недостаточно этого, чтобы нравоучение Макиавелли стало позором для человечества?

Следует также уличить его в обмане. Поступает он не как честный человек, ибо во-первых, не может быть, чтобы Агафокл в спокойствии и тишине пользовался плодами своих злодеяний. Находясь постоянно в состоянии войны с карфагенянами, он, наконец, вынужден был оставить в Африке свое войско, умертвившее по отбытии тирана его детей, да и сам был отравлен своим племянником. Оливеротто да Ферма, лишился своей жизни через год по восшествии на престол из-за предательства Борджиа. Достойная награда за его злодеяния! Ибо падение его последовало столь скоро, что выглядело как следствие всеобщей ненависти. Хотя бы из-за этого не следовало приводить его в пример, поскольку с его помощью сочинитель ничего не смог доказать. Макиавелли желал того, чтобы злодеяние сделало Оливеротто счастливым, и для того тешил себя надеждой, что он отыскал сильный и правдоподобный довод, однако, к сожалелению, Оливеротто был несчастен. Таким образом, один изверг убил другого, и личной своей ненавистью предупредил то, что общенародная злоба приуготовляла Оливеротто. Причем, даже если

³⁰ Фридрих здесь пытается показать, что причиной многих действий Карла XII стали примеры, которые он почерпнул из античной истории. Так, упомянутый *Квинт Курций* — автор знаменитого жизнеописания Александра Македонского, живший во II в. Фридрих намекает на то, что Карл XII, забравшийся вглубь российской территории, решился на сражение под Полтавой, вообразив себя новым Александром.

³¹ Имеется в виду восстание на Сицилии в 1282 г. против французских баронов, приведенных Карлом Анжуйским, начавшееся по условному сигналу — колокольному звону к вечеру. Во время его были убиты тысячи французов. Фридрих говорит так же о событиях Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г., когда католики вырезали в Париже несколько тысяч протестантов, съехавшихся на свадьбу Генриха Наваррского и Маргариты Медичи..

само злодеяние можно было осуществлять безнаказанно, то разве не ужасается тиран печальному концу своей жизни? Он никак не может упразднить внутреннего свидетельства своей совести, и он чувствует беспрестанно в душе истинное и несносное мучение. Он не избежит печальной скорби, питающей его воображение, которая будет для него настоящим палачем на земле. Поистине нет в нашей природе такого, чтобы злые существа могли быть счастливы, ибо, если прочесть жизнь Дионисия, Тиберия, Нерона и Людовика XI³², то увидишь, что все эти злые души имели самый несчастнейший конец своей жизни. Жестоким человек имеет враждебное и с желчным состоянием духа, если он с самого младенчества не противоборствовал этому несчастному телесному свойству. Потому нельзя удивляться, что он обделен человеческими чувствами. Таким образом, если бы даже не было на земле правосудия и на небесах Бога, то людям тем более надлежало быть добродетельными, поскольку только лишь одна добродетель в состоянии их умиротворить, и она необходима для собственного их сохранения. В противоположность этому, злодеяния, делая людей несчастными, ускоряют их собственное падение.

ГЛАВА IX. О ГРАЖДАНСКИХ ДЕРЖАВАХ.

Стремление к свободе неотделимо от нашего существа. У благонравнейших и у дурнейших людей существует это стремление в равной степени. Ибо поскольку мы рождены без цепей, то и желаем жить на этом свете без принуждения. Этот дух независимости и великодушия произвел много великих мужей, и явился причиной учреждения республиканского правления, которое ввело равенство между людьми, и тем самым приблизило тех к природной их сущности.

Макиавелли предлагает в этой главе из ряда вон выходящие рекомендации для тех, кто достиг власти на основе согласия, существующего в республике. Это почти единственный случай, когда Макиавелли честен в своих рассуждениях, но к несчастью этот случай никогда не встречается. Каждый гражданин республики, когда дело касается его свободы, чрезвычайно ревнив, и все, что только может угрожать вольности, тревожит его; он бунтует даже в том случае, если стремление кого-либо к самодержавной власти является ни чем иным, как плодом его собственного воображения. В Европе много таких народов, которые, чтобы освободиться, низвергнули своих тиранов, но нет ни одного, который, будучи вольным, отдал себя добровольно в рабство.

Многие республики с течением времени все же попали под неограниченную власть, и очевидно, что это для них неизбежно, ибо как можно республике вечно противоборствовать тем, кто постоянно угрожает их свободе? Как можно республике постоянно сопротивляться честолюбию знатных, которое столь свойственно их сердцу? Как долго сможет следить она за обманом, за тайными кознями соседей и продажностью своих граждан, если в конечном счете человеческое корыстолюбие преодолевает все? Как можно ей льстить себя надеждою, что битвы, которые она ведет, всегда завершатся победой? И как можно отвратить те опасные обстоятельства, от которых свобода должна себя оберегать, которые возникают внезапно и благоприятствуют дерзким и честолюбивым?

Если войска республики будут возглавлять робкие и боязливые полководцы, то они достанутся в добычу свои неприятелям, но если это будут храбрые и отважные мужи, то и в мирное время они будут опасны, настолько, насколько во время войны они были полезны. Почти все республики из глубины неволи возвысили себя до состояния свободы, и почти все затем оказались низвергнуты в рабство. Жители Афин, грозящие своей

³² Дионисий I (430 - 367 гг. до н.э.) — тиран Сиракуз с 405 г. до н. э., Тиберий (42 г. до н.э. - 37 г. н.э.) — римский император в 14 - 37 гг. Нерон (37 - 68 гг.) — римский император 54 - 64 гг. Людовик XI (1423 - 1483 гг.) — король Франции. Фридрих называет монархов, считавшихся жестокими и бесчеловечными правителями.

непокорностью Филиппу Македонскому во времена Демосфена, ползали на коленях перед его сыном Александром, римляне, изгнавшие царей, через несколько сот лет терпеливо сносили бесчеловечие своих императоров. Точно так же и англичане, отрубившие Карлу I голову за то, что он присвоил себе некоторые права, смирили упорство свое под гордой и коварной тиранией своих хранителей³³. Не эти ли республики добровольно выбрали себе государей? Нет, таковыми оказались отважные мужи, которые с помощью выгодных обстоятельств против воли граждан сделали их подвластными себе. Подобно тому как люди рождаются, живут некоторое время, и, наконец, умирают либо по причине болезни, либо от старости, республики некоторое время процветают, и, наконец, приходят в упадок или из-за дерзости одного гражданина, или от оружия неприятеля. Все имеет определенный срок, даже и самые величайшие державы существуют только до некоторого времени. Все республики чувствуют, что это время однажды придет, и они взирают на каждую могущественную фамилию, как на корень той болезни, которая для них смертоносна. Никак не возможно гражданам республики, которые пользуются многими свободами, уговорить чтобы они приняли государя, хотя это было бы и лучшим выходом для них. Ибо всегда они скажут следующее: "Лучше нам быть подвластными закону, чем своенравию одного человека, ибо законы по сути своей являются правосудием, человек же от природы своей способен к неправоте и заблуждению. Законы являются вспомогательным средством против болезней наших, которые возникают от того, что некто желает возвыситься над всеми свою волю. Под такой властью и законы могут превратиться в смертоносный яд. Вольность — это благо, которое мы получаем от природы. Но ради чего, спросят республиканцы, должны мы его лишиться? Поскольку достойно наказания восстание против государя, законами утвержденного, достойно наказания также и покушение на свободу республики".

ГЛАВА X. О СИЛЕ ГОСУДАРСТВ

С того времени, как Макиавелли написал книгу о науке управления для государей, мир очень изменился. Итак, если бы в наши дни к нам явился тот, или иной искусный генерал Людовика XII, то он бы никак не смог понять, каким образом можно вести войну с таким огромным числом солдат, причем это войско как в мирное, так и в военное время всегда находится в готовности. В противоположность этому в его времена для самых важнейших битв и величайших предприятий, достаточно было небольшого количества солдат, которые по окончании битвы возвращались к своим домашним делам.³⁴ Он нашел бы у нас, — вместо тогдашних железных одеяний, копий и других древних орудий, — амуницию, ружья со штыками, новый способ расположения лагеря, управления битвой, но в особенности ту науку, которая связана с содержанием войска, которая в основном и нужна для победы над неприятелем. Но не сказал ли бы сам Макиавелли, если бы все увидел, что Европейские державы имеют совершенно иной вид, что много великих государей прославили ныне своими делами те государства, которые в его времена мало что значили, что власть королей утверждена на основе правил, которые определяют, как государям торговать друг с другом, и что союзом некоторых сильных держав в Европе восстановлено равновесие, и честолюбие других обуздано и сохранено спокойствие мира?

Все вещи способствовали столь повсеместной и общенародной перемене, что многие правила Макиавелли при нынешнем образе правления не могут быть применены. Вникни только в эту главу, особенно в рассуждение в котором я намерен привести некоторые примеры. Макиавелли думает, что государь, обладающий пространными

³³ Речь идет о протекторате Кромвелей, пришедшем на смену королевской власти после казни Карла I.

³⁴ Фридрих говорит об эпохе постоянных армий, наступившей много позже жизни Макиавелли и его современника Людовика XII.

областями, изобилующими деньгами и народом, может собственной своей силой безо всякой помощи союзников защитить себя от неприятельских нападений.

Но я с ним не согласен, и утверждаю, что как бы ни был силен государь, при всем при этом, он не может противостоять многим сильным неприятелям, и для него необходимо иметь помощь союзников. Когда даже богатейший и могущественнейший в Европе государь, Людовик XIV, оказался замешанным в наследственную испанскую войну³⁵, и когда он из-за отсутствия союзников и угроз со стороны многих королей и принцев, готовых притеснить его самого, не мог больше вести войну, то разве возможно государю, который слабее его, отважиться на то, чтобы одному устоять без сильных союзников?

Многие говорят, повторяя это без дальнейшего рассуждения, что союзы бесполезны, поскольку обязательства, взятые сторонами, почти никогда не исполняются, и что в наши времена так же, как и в прежние, в этом случае поступают столь же бессовестно, как и ранее. Я отвечаю тем, кто так думает, что нисколько не сомневаюсь в том, что они и в древности и в новые времена не сыскали бы государей, во всем исполнявших свои обязательства; однако, при всем том, считаю полезным заключать союзы. Ибо чем больше будет союзников, тем меньше будет неприятелей. Хотя эти союзники ничем тебе и не помогают, однако ты, по крайней мере, можешь их убедить, чтобы они в течение некоторого времени не примыкали ни к какой стороне.

Макиавелли говорит дальше о малых принцах, как о малых владетелях, которые, по причине обладания небольшими землями, никакой армии в бой выставить не в состоянии. Макиавелли утверждает, что им необходимо укреплять свои столичные города, чтобы в случае военного времени в них можно было скрыться со всем войском. Государя, о которых упоминает автор, при делении людей на владетелей и частных лиц, почитаются собственно за двуестественных, Они играют роли великих государей только по отношению к своим слугам. По моему мнению, им нельзя посоветовать ничего лучшего, чем предложить им ограничить чрезвычайно высокое мнение о своем величии, непомерное почтение к своей древней знатной породе и к своему гербу. С точки зрения разума, они поступили гораздо лучше если бы, подобно вельможам, имели при себе только один штат слуг, раз и навсегда отбросив те ходули, на которых их предки основывали свое кичение. Было бы лучше, если бы они, по меньшей мере, содержали при себе только одну стражу, не позволяющую войти в их замок ворами и мошенникам, жаждущим найти там себе пропитание, или если бы они уничтожили все то, что придает их столице вид укрепленного места. Многие из числа малых государей из-за издержек, превышающих их доходы и из-за жажды, побуждающей их к суетному величию пришли в упадок. Они вместо достижения чести своего двора, приуготовили свое собственное падение, и их суетность вела их к оскудению.³⁶ Меньший сын младшего сына все еще воображал, что представляет собой Людовика XIV³⁷. Он строил Версали, имел своих наложниц и содержал собственную свою армию. Один известный принц, отделенный от великого двора, содержит на жаловании небольшой величины войско всех родов, составляющее домашнее воинство великого государя, которое при этом столь малоллюдно, что для того, чтобы его рассмотреть необходимо увеличительное стекло, — дабы каждой род войска

³⁵ Речь идет о войне за испанское наследство 1701-1714 гг. После пресечения испанской ветви Габсбургов, Людовику XIV, который был женат на испанской принцессе, удалось возвести на освободившийся трон своего младшего внука под именем Филипп V (1700-1746). Следствием этой акции была тяжелая война за испанское наследство между Францией и Испанией и коалицией европейских держав, поддерживавшей претендента из австрийской ветви Габсбургов. В конечном счете, по Утрехтскому миру 1713 года, Филипп V был-таки признан испанским королем

³⁶ Фридрих язвит по поводу множества мелких германских государей, носивших громкие титулы, но не имевших реальной внешнеполитической силы.

³⁷ Речь идет о регенте Людовика XV, сыне младшего брата Людовика XIV, Филиппе Орлеанском.

можно было отделить от другого. Может быть его армии и было бы достаточно для представления сражений в театре в Вероне³⁸.

Выше я уже говорил, что малые государи плохо поступят, если станут укреплять свою столицу. Естественная тому причина та, что они играют роль царствующего государя в весьма малом театре. Если они окружены такими же бессильными государами, то имеют причину, укреплять свои поселения. Поэтому два фольверка и двести человек солдат для них и их соседей могут сделать то, что совершенные крепости и сто тысяч войска способны совершить для великих государей.

Но если эти владетели находятся в том же положении, что и французские, или английские бароны, либо вельможи другого государства; то я думаю, что их войско и крепости способны скорее уничтожить их, нежели возвысить. Великолепие княжеств во всякое время бывает опасно, если это княжество не имеет достаточной военной силы. Нередко обращается в ничто тот двор, который стремится чрезмерно распространить свое величие. И не один принц был искушен этим печальным опытом.

Если кто содержит нечто вроде армии, вместо того чтобы ему иметь только небольшую стражу, состоящую из слуг, то это называется не честолюбием, но суетной затеей, которая очень скоро может ввергнуть его в совершенную нищету. Зачем нужны им укрепления? Они не могут подвергнуться осаде со стороны равных себе; поскольку их более сильные соседи тотчас войдут в разбирательство их споров, и станут посредниками, в чем первые никак отказать не могут. Следовательно, эти небольшие ссоры можно решить не кровопролитием, но чернилами и перьями.

Но какова польза от таких крепостей? Даже если были бы они в состоянии, выдержать против своих неприятелей осаду, которая продолжалась бы столько же, сколько осада Трои, то против армии сильного монарха так долго они устоять не смогли бы. Кроме того, если бы далее последовали великие сражения, тогда уже помимо своей воли они вынуждены были бы присоединиться к той или иной стороне, дабы не быть разоренными вконец. Если же они присоединятся к одной из воюющих сторон, тогда их столичный город будет ни чем иным, как местом хранения оружия и продовольствия того государя, к которому они примкнули.

Что касается описания Макиавелли немецких имперских городов; то сегодня их положение совсем отлично от того, что было ранее. Ибо одна петарда, а в случае ее отсутствия, одно только императорское повеление в состоянии сделать последнего владетелем этих городов. Они все плохо укреплены, многие из них имеют старые каменные стены, на которых изредка видны большие башни, а рвы почти все засыпаны землей. Они имеют мало солдат, но и те, которых они содержат, худо обучены; их офицеры по большей части — старые люди, которые уже более не в состоянии продолжать службу. Некоторые же из числа имперских городов, хотя и имеют довольно изрядное количество огнестрельных орудий, однако не могут противиться такому императору, который привык заставлять их чувствовать свою слабость довольно часто. Одним словом, предводительствовать армией, воевать, осаждать, и защищать крепости, надлежит только великим государям, и те, кто им желает следовать, не имея для этого достаточных сил, подобны тому, кто, подражая грому, создает треск и шум, воображая, что он Юпитер.

ГЛАВА XI. О ДУХОВНЫХ ДЕРЖАВАХ.

Я не нахожу в древности примеров того, чтобы священники были владетельными принцами. Между всеми народами, о которых мы имеем некоторое знание, только у евреев можно найти владычествующих первосвященников. Нет ничего удивительного в том, что в этом народе, превосходящем все варварские нации суеверием и невежеством,

³⁸ Скорее всего, Фридрих имеет в виду здесь герцога Пармского, короля Неаполитанского с 1734 по 1759, будущего короля Испании Карла III.

находились и такие, которые, упражняясь в благочестии, присвоили себе заботы, относящиеся к управлению. В противоположность этому у других народов мы находим, что люди, известные своим благочестием, ни во что другое не вмешивались, кроме того, что они должны были делать в соответствии со своим долгом. Они приносили жертвы, взимали за то награждение, и имели особенные преимущества. Они редко давали наставления, и никогда не царствовали. В древние времена не было войн на религиозной почве потому, что священники не имели учения, которое бы народ разделяло, а также таких привилегий, которые они могли бы употребить во зло.

Когда Европа, после падения Римского государства, оказалась без верховного главы, и разделена была на малые владения, многие епископы сделали себя принцами, а епископ Римский подал им в этом пример. Кажется, что народу под властью этих духовных правителей, надлежало бы жить довольно счастливо. Да и избранные принцы, владения которых были столь же малы, как и у духовных правителей, должны были поступать со своими подданными, если не благочестиво, то хотя бы в соответствии с наукой об управлении, то есть милостиво.

Однако известно, что ни одно государство так не изобиловало нищими, как духовные державы. Здесь человеческие бедствия можно было увидеть не только у бродяг, кормящихся милостью правителя, и подобно насекомым, осаждающих всякое государство, но прежде всего у жителей этих стран, отошавших от голода. Поскольку сами духовные принцы были лишены стремления к тем вещам, которые необходимы для человеческой жизни, то тем самым они предвещали гибель и злоупотребления среди своих подданных.

Нет сомнения, что правила многих духовных форм правления заимствованы из спартанских законов, запрещающих употребление серебра, с той однако разницей, что только прелаты удержали за собой право владения всеми деревнями, которые отбирали у собственных подданных. Блаженны нищие, они утверждали, их есть царство небесное, и поскольку они очень желали того, чтобы всякий был блажен, то, поэтому, старались сделать каждого нищим.

Ничто не может быть, кажется, поучительнее истории церковных владетелей и наместников Иисуса. В ней надеялись мы найти примеры непорочного и святого нрава, однако вместо этого в ней обнаружилось нечто совсем противоположное, а точнее всякие постыдные деяния. Никак нельзя читать жизнеописания пап без того, чтоб их бесчеловечность и вероломство не вызвали омерзения. Вообще, замечено, что чем более их честолюбие стремилось умножить светскую и духовную власть и силу, тем более развивалось их сребролюбие, стремление заполучить достояние подданных для обогащения своих внуков, наложниц и побочных детей. Ежели кто будет далее рассуждать об этом, то ему покажется особенно примечательным, что народ терпеливо сносил угнетение этих принцев, что он мог спокойно взирать на пороки духовных лиц, и что от бритой головы терпел все, чего он от главы, увенчанной лаврами, никак терпеть не согласился бы. Однако для того, кто знает, как сильно может воздействовать суеверие и религиозное воодушевление на невежественных людей, в этом нет ничего удивительного. Следует вспомнить, что благочестие еще издавна употреблялось для укрепления народной преданности и обуздания упрямства человеческого разума. Известно также и то, что заблуждение может ослепить даже самых разумнейших людей, и ничто не бывает убедительнее той науки, которая для достижения своих целей небо и геену, Бога и Им проклятых призывают на помощь. Впрочем, справедливо и то, что даже сама вера, наичистейший источник нашего блага, из-за злоупотреблений, достойных всяческого сожаления, бывает началом и основанием всего нашего зла.

Главная причина этого заключается в том, что духовные государи поздно получали правление, и что они из-за этого управляли очень короткий срок, в течение которого обогащали своих наследников. Они редко имели желание, а времени не имели никогда на то, чтобы осуществлять в жизнь полезные обществу предприятия, и все, что требовало

многих трудов, оставалось вне пределов их деятельности. Они считали себя странниками, принимаемыми в чуждом доме. Они сидели на чужом престоле, который они не получали от своих предков, и не могли передавать его своим наследникам. Они не имели ни склонностей государя, который является отцом своей державы, и который трудится для своих потомков, ни образа мыслей республиканца, жертвующего всем своему отечеству, и если кто из них и мыслил так, как следовало отцу народа думать об этом, то он умирал раньше, чем мог очистить то поле, которое ему предшественники оставили в сорняках и терниях...

История господ церкви по справедливости должна была содержать хоть какое-нибудь упоминание и о добродетели. Тогда было бы известно чего в ней искать, а также видно то, насколько были испорчены все, кому надлежало жить непорочной жизнью.

Главной причиной покорности народа этим принципам Макиавелли видит в проворстве подобных владетелей, которые были и разумны и злобны одновременно. Что же касается меня, то я считаю, что благочестие весьма способствовало удержанию народа под таким игом. Хотя дюд и ненавидели злого папу, однако что касалось его звания, то оно было ими почитаемо, и относящееся к сану почтение переносилось на него самого. Хотя современному римлянину стократно в голову приходила мысль искать себе другого государя, однако князь церкви носил в своих руках священное оружие, сдерживающее все предприятия подданных. И хотя несколько раз возбуждали они против Папы возмущения, но в подвластном папской тиаре Риме не было и сотой доли тех мятежей, которые происходили в идолопоклонническом Риме. Вот как меняются человеческие нравы.

Сочинитель делает остроумное замечание относительно могущества римского престола. Он приписывает причину этого решительным поступкам Александра VI, папы, который был наиболее бесчеловечен и честолюбив и который не знал никакого правосудия, кроме своего корыстолюбия.

Если справедливо, что из тех, кто носил папскую тиару самый злобный наиболее упрочил папское могущество, то какие выводы отсюда следует сделать?

Макиавелли оканчивает эту главу похвалой Льву X, честолюбивое и богопротивное поведение которого общеизвестно. Правда, он имел дарования, но я не знаю, имел ли он добродетели. Макиавелли хвалит в нем эти же свойства. Об этом можно только сказать, что такие князья заслуживают именно таких жизнеописателей, если хвалит он его как изрядного князя, а не за то, что он восстановил науки. Достоин сожаления и то, что Макиавелли хвалит его как мудрого министра.

Макиавелли хвалит Льва X, но не хочет хвалить Людовика XII³⁹, - отца отечества.

ГЛАВА XII. О РАЗНООБРАЗНОМ ВОИНСТВЕ.

Каждая вещь в этом мире отлична от другой, люди также очень сильно отличаются друг от друга. Под характеристиками государства я понимаю его положение, величину, число и образ жизни его жителей, торговлю, обычаи, законы и величину доходов. Эти различия в государственных устройствах бесконечно разнообразны. Подобно тому, как врачи не знают средства, которое бы подходило для всех болезней и всех людей, то равным образом и министры не могут предписать точных правил, которые были бы применимы при любом образе правления. Этим рассуждением я хочу предварить исследование макиавеллиевского мнения относительно иностранцев и тех, кто находится на жаловании у государства. Сочинитель полностью отвергает их пользу, думая доказать, что этот народ является более опасным для тех держав, которым он служит, нежели полезным. Общеизвестно и опытом подтверждено, что то войско является лучшим, которое состоит из жителей государства. Это можно подтвердить примером храброго

³⁹ Людовик XII (1462 – 1515), французский король, был известен не только участием в Итальянских войнах, но и судебной реформой, упорядочиванием налогообложения, усовершенствованием денежной системы Франции.

сопротивления Леонида под Фермопилами, а также примером чрезвычайного расширения римского и арабского государств.

Это положение Макиавелли приемлемо для всех государств, которые настолько многолюдны, что могут поставить достаточное количество солдат для боя. Я, как и автор «Князя», уверен в том, что чужой народ, принятый на жалование государства, мало способствует его славе, и что верность и храбрость природных сынов отечества бывает гораздо сильнее.

Особенно опасно оставлять своих подданных в праздности и делать их бессильными, подобно женщинам, в то время, когда идет война с соседними государствами.

Неоднократно уже подмечено, что государства, воюющие с помощью своих граждан, намного сильнее своих неприятелей, ибо во время такой войны каждый гражданин является воином. В нем просыпается способность сражаться даже если к этому его не побуждает никакая награда. В этом случае проявляются все человеческие способности, и каждый показывает чудеса проворства и храбрости. Однако при всей правоте сказанного бывают случаи, которые требуют отступления от правила. Если государство не имеет достаточного числа людей, которое необходимо для армии, тогда этот недостаток следует исправить принятием на службу наемников, и каждый, кто имеет желание и склонность может поступить на военную службу.⁴⁰ Преимущество здесь состоит в том, что в этом случае воспитываются люди, способные к военному делу. Хотя состояние государства, вынужденного нанимать солдат, плачевно, однако такой способ создания войска способствует укреплению воинского духа. Мудрый государь же по-другому поддерживает боеспособность своего народа, а именно, отправляет войска для помощи своим союзникам, а также часто устраивает марши и смотры.

Но в тех государствах, которым угрожает война, и которые не имеют достаточного количества жителей, необходимость заставляет государей нанимать иностранцев. Однако и здесь можно найти средство избежать тех неприятностей, о которых писал Макиавелли. Для этого следует навести порядок, чтобы исключить у иностранных солдат пороки, которые могут угрожать безопасности государства. Для этого следует смешивать иностранных солдат со своими. С тем, чтобы избежать их неповиновения, приучить их к той же воинской дисциплине, воспитывать в них ежечастью ту же верность, и всеми силами стремиться к тому, чтобы иностранные войска не были сильнее природных. Доказательство тому являет один Северный Король, армия которого, хотя и состоит из смешанного народа, однако же, при всем том довольно сильна и страшна.⁴¹

Большая часть европейских армий состоит из своих граждан и состоящих на жаловании иностранцев. Крестьяне и граждане дают определенное количество средств для содержания солдат, которые их обязаны защищать, сами же они не принимают участие в сражениях. Поэтому нанимается в солдаты небольшое количество жителей страны, а именно — ленивцы склонные больше к праздности, чем к труду, расточители, ожидающие от солдатской службы большой вольности, но малого наказания, своевольные юнцы, не повинующиеся своим родителям, которые из легкомыслия добровольно идут в солдаты. Все они едва ли больше чем иностранцы преданы своему государю.

Какое различие между этими солдатами и римлянами, которые овладели всем светом! Люди, которых в наши времена во всех армиях бывает столь много, для римлян были вовсе неизвестны. Эти мужи, воевавшие за свое семейство, за своих домашних богов, за римские гражданские права и за все то, что в их жизни более всего было им любезнее, никак не помышляли о том, чтобы лишиться многих выгод через позорные поступки; ибо что как не это может обеспечить безопасность великих европейских

⁴⁰ В сущности здесь речь идет не о наемничестве, а о вербовке солдат среди иностранцев и своих же граждан.

⁴¹ Быть может Фридрих говорит о своем отце Фридрихе-Вильгельме II, сформировавшим именно таким образом более чем 80-тысячную армию?

государей? В некоторых случаях их народы очень похожи на римлян, и ни один из них перед другим ни в чем не имеет преимущества, исключая только швейцарский народ, который одновременно является гражданином, крестьянином и солдатом. (Но если швейцарцы выходят на сражение, то ни один из них не остается в деревне для обработки земли, следовательно, они тем самым причиняют больше вреда себе, чем неприятелю.)

На этом закончим рассуждение об иностранных солдатах, состоящих на жаловании. Что же касается того, каким образом великому государю вести войну, то здесь я с Макиавелли одного мнения.

Каждому сильному государю надлежит командовать своим войском. Его армия должна быть его столицей; к этому обязывает его собственная выгода, долг и честь. Подобно тому, как он поставлен совершать правосудие, равным образом правитель является и защитником своих подданных. Это наиважнейшая часть его деятельности, и поэтому, он этого не должен доверять никому, кроме самого себя. Его собственная польза требует, чтобы он находился при своей армии. Ибо если все повеления исходят лично от него, то и их исполнение последует тогда наискорейшим образом.

Его присутствие кладет конец разномыслию между его генералами, которое также вредно для армии, как и для пользы государя. Она же состоит в том, чтобы обеспечить наилучший порядок снабжения армии всем необходимым, ибо без этого даже сам Цезарь не справился бы со стотысячным войском. Также, если государь будучи при войске, повелевает вступить в бой, то он командует и расположением армии, и ведением боя, внушая своим присутствием бодрость и веру в победу, ибо он, находясь перед строем, подает им пример.

Однако многие скажут, что не всякий государь родился солдатом, и что многие из них не имеют необходимых для ведения сражения разума, опыта и отваги. Я сам признаю это. Но не находятся ли при армии искусные генералы? От государя требуется только следование их советам, и война при всем том всегда произведена будет лучше, чем если бы генерал подчинялся указаниям отсутствующего на поле боя военного совета, не имеющего возможности, рассуждать о ходе сражения, — а ведь это и самого искуснейшего стратега делает неспособным доказать свое умение...

ГЛАВА XIII. О ВСПОМОГАТЕЛЬНОМ ВОЙСКЕ

Макиавелли весьма много говорит, утверждая, что разумному государю лучше быть побежденным со своим народом, нежели победить с помощью чужого.

Мне кажется, что человек, находящийся в опасности утонуть, мало станет обращать внимания на то, если бы кто ему сказал, что непристойно передать спасение своей жизни кому-то другому; следовательно лучше ему утонуть, нежели схватиться за канат, которой подадут для спасения. Если рассмотреть это правило Макиавелли, то оно способно внушить государям довольно сильный страх. Однако обеспокоенность государей по поводу генералов или вспомогательного войска всегда были очень вредны. Из-за этого множество побед было упущено, да и само усердие здесь вредило государям больше, чем неприятели. Действительно, Макиавелли всеми силами старался внушить государям подобные опасения. Он хочет, чтобы они не доверяли своему народу, а следовательно и своим генералам и вспомогательному войску. Эта недоверчивость очень часто была причиной многих несчастий, и не один государь потерпел поражение, поскольку не пожелал делиться со своими союзниками.

Правда, государь не должен воевать только с одним вспомогательным войском, но по большей части ему надлежит быть в состоянии оказывать такую же помощь, которую он получает от других государей. Это правило звучит следующим образом: «Ты должен находиться в таком состоянии, чтоб ни приятеля, ни врага своего не имел причины бояться». Но если кто единожды вошел уже с кем в союз, то его следует хранить с верностью. Сколько времени Англия и Голландия были в союзе против Людовика XIV,

столько же времени они были победителями, и ни Евгений⁴², ни Мальборо⁴³ не смели восстать против них. Но как только Англия отступилась от союзников, укрепился Людовик.⁴⁴ Государь, не имеющие нужды в смешанном и вспомогательном войске, очень хорошо поступят, если исключат их из своей армии, но поскольку в Европе очень мало таких государей, то я думаю, что они вынуждены будут мириться с вспомогательным войском до тех пор, пока населения их страны не будет достаточно для создания собственной армии.

Макиавелли говорит только о малых государях, но и в их отношении его сведения незначительны. Он не в состоянии сказать ничего важного и справедливого, поскольку он нечестный человек.

Кто воюет с помощью чуждого народа, тот слабый государь, но если он воюет вместе со своим и иностранными народами, тогда он бывает очень силен.

Когда же три Северных государя⁴⁵ отобрали у Карла XII его немецкие земли, это предприятие было осуществлено с помощью разных народов и их союзников, да и во время войны, предпринятой Францией по поводу польского наследства, в 1734 году, она опиралась, со своей стороны, на испанцев и савойцев.

Но что остается сказать Макиавелли при столь многих примерах? Он не захотел растолковать, приведенную им аллегорию, связанную с библейской историей о сауловом оружии и о Давиде⁴⁶.

Сравнение не может быть доказательством. Я согласен с тем, что вспомогательное войско иногда бывает для государя обременительно, но я спрашиваю, не стоит ли с охотой ли принять эту тяжесть, если можно выиграть при этом города и области?

Говоря о вспомогательном войске, Макиавелли также упоминает и о швейцарцах, состоящих на французской службе. Бесспорно, что французы с их помощью выиграли многие битвы, и если бы Франция отказала швейцарцам и немцам, у нее состоящим на службе, то войска ее из-за этого могли бы оказаться приведенными в негодность.

На этом достаточно говорить об этих заблуждениях Макиавелли, теперь я намерен исследовать заблуждения, связанные с его учением о нравах. Примеры, о которых говорит Макиавелли государям таковы, что не только здравый рассудок, но и здравую науку об управлении они вводят в заблуждение. Он вспоминает Гиерона, который решил, что равным образом опасно и иметь вспомогательное войско, и отказывать ему от службы, и поэтому повелел изрубить наемников в куски. Ведь такого рода дела бывают противны всякому, читающему о них в историях. И всякий чувствует великое негодование и омерзение, если он увидит эти примеры в книге, предназначенной в наставление государям.

Однако, что касается государей, которым провидение определило, управлять человеческими судьбами, то это омерзение свойственно им в меньшей степени, — по мере того, как они перестают его бояться. Поэтому тем, кто предопределен управлять человеческими судьбами, надлежит искоренять злоупотребление неограниченной властью. В Европе мало таких государей, которые были бы расположены к злодеянию Гиерона Сиракузского, поскольку им вспомогательное войско не опасно, так как собственных солдат у них больше.

Я не считаю, что описание этих древних времен является подлинным, но если справедливо то, что они повествуют о Гиероне II Сиракузском, то я бы никому не советовал следовать этому примеру. Говорят о нем, что он, во время сражения против

⁴² Евгений Савойский (1663-1736), принц, австрийский полководец, генералиссимус (1697).

⁴³ Джон Черчилль, герцог Мальборо английский полководец, командовал английской армией во время войны за Испанское наследство.

⁴⁴ Англия в 1713 г. заключила с Францией Утрехтский мир, выйдя из союза с германским императором. В результате инициатива в войне вновь перешла на сторону французов.

⁴⁵ То есть Петр I, Август II и Фредерик IV (король Дании).

⁴⁶ Суть аллегории состояла в том, что доспехи Саула не подошли Давиду по размеру, и он предпочел драться с Голиафом без них.

мамертинцев, разделил армию свою на две части, из которых одна состояла из вспомогательного войска, а другая из жителей государства. Первых он позволил уничтожить всех до одного, чтобы одержать с помощью других победу. Если бы император Леопольд в войну 1701 года таким же образом принес жертву англичан; то было ли бы это безопасным средством победить Францию? Мне кажется, что было бы бесчеловечно, или было бы чрезвычайно опасной глупостью, как если бы отрубить себе левую руку, чтобы удобнее было сразиться правой.

ГЛАВА XIV. СЛЕДУЕТ ЛИ ГОСУДАРЮ ПОМЫШЛЯТЬ ТОЛЬКО О ВОЙНЕ. ОТВЛЕЧЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С РАССУЖДЕНИЕМ ОБ ОХОТЕ.

Всем людям, состоящим на военной службе свойственна педантичность, имеющая основание в избыточном рвении в службе. Каждый солдат становится педантом, если он очень большое внимание уделяет мелочам. Если же он превозносит это свое рвение, то он уподобляется Дон Кихоту. Макиавелли своим энтузиазмом подвергает своего государя опасности быть посмешищем в глазах света. Уделяя чересчур большое внимание военному делу, он требует, чтобы государь был только солдатом. Таким образом он превращает того в Дон Кихота, воображение которого наполнено одними только ратными подвигами, крепостями, укреплениями, атаками, линиями и нападениями. Государь исполняет свой долг лишь наполовину, если он помышляет только об одной войне. Несправедливо суждение, что государю ни кем другим надлежит быть, кроме как солдатом. В первой главе я упомянул, что государи являются судьями, что генералами они становятся под действиям обстоятельств. Что же касается государя Макиавелли, то он напоминает мне богов Гомера, которые никогда не изображаются справедливыми. О них всегда повествуют, как о сильных и могущественных. Макиавелли ничего не зная о началах правосудия, являет нам только насилие и корыстолюбие, забавляя нас одними лишь низкими идеями, и его ограниченный разум способен понять только те вещи, которые связаны с наукой управления, приемлемой малыми государями. Лодовико Сфорца, например, имел причину думать об одной только войне потому, что он у других все отнимал незаконно.

Макиавелли, который в иных местах своего произведения демонстрирует силу своего пера, здесь выглядит очень слабым автором. Каких доводов он только не использует для восхваления охоты! Он думает, что государи таким образом могут узнать многое об управлении своим государством. Итак, если бы французский король, или другой какой государь, захотел узнать свои земли, то ему надлежало бы все время заниматься охотой.

Я прошу позволения у читателя сделать некоторое отступление, чтобы обстоятельнее поговорить об этом предмете, потому, что это увеселение повсеместно в почете у дворян и королей, а особенно в Германии. В связи с этим, мне кажется, что данная тема заслуживает того, чтобы ее обсудить более подробно.

Охота относится к тому типу увеселений, которые, приводя тело в движение, не исправляют человеческого разума. Она воспламеняет жадность при преследовании зверя, и бесчеловечное удовольствие при его умерщвлении, оставляя при этом дух диким и непросвещенным. На это охотники мне возразят, что я, мол, слишком строго взираю на их увеселение, и сужу о нем, подобно ораторам, которые, проповедуя на кафедрах стремились к тому, чтобы избежать противоречий, и все выводы к которым они таким образом приходили, почитали за истину. Однако я не намерен им уподобляться и постараюсь использовать только те доводы, которые сами охотники приводят в пользу этого занятия.

Во-первых, они скажут, что охота самое благороднейшее и самое древнейшее из увеселений смертных, что и патриархи, и самые величайшие мужи были охотниками, и

что во время охоты люди совершают над зверем то, чего удостоился от Бога по праву еще наш прародитель Адам.

Однако не все то считается благом, что берет свое начало в древности, а тем более то, что способствует возвышению человека сверх меры. Но что великие мужи всегда и везде занимались охотой, с тем я согласен. Они имели свои пороки и слабости. Однако мы намерены следовать им только в том, что они оставили после себя важного, но никак не в том, в чем отразились их слабости. Впрочем, то, что патриархи упражнялись в охоте, так же истинно. Однако истинно и то, что они женились на своих сестрах, и что в их времена весьма было распространено многоженство. Следует сделать особое примечание о тех, кто целенаправленно упражняется в охотничьем искусстве. Времена, в которые жили патриархи, были нелепы и безрассудны, и люди, пребывающие в праздности, не зная чем заняться, проводили свое время на охоте. Против этого, опять мне возразят, что охота является благороднейшим времяпровождением, поскольку легендарные герои также были охотниками. Против этого возразить нечего, однако я говорю не об охоте в целом, но о неумеренном увлечении ею, ибо то, что нас сегодня только увеселяет, в древности было жизненной необходимостью.

Наши предки, не зная чем им заняться, проводили время на охоте, они тратили многие часы, гоняясь в лесах за дикими зверьми, поскольку не имели ни разума, ни способности проводить это время в разумной дружеской беседе. Но я спрашиваю, если приведено сто примеров, то какому из них следовать? Следует ли при современном образе жизни брать пример с более суровых времен и обычаев, не будет ли лучше сделать просвещенные времена примером для последующих поколений? Я не намерен исследовать того, получил ли Адам владычество над зверьми или нет; но только знаю, что мы гораздо бесчеловечнее и хищнее самих зверей, и что мы это мнимое над ними владычество осуществляем весьма жестоко. Если мы чем и превосходим животных, на которых охотимся, то это наш разум. Но люди, которые полностью предались охоте, часто наполняют свою голову лошадьми, собаками и разного рода зверьми. Они иногда бывают такими грубиянами, что следует опасаться, как бы они подобным образом и по отношению к людям не проявили бесчеловечность, раз они проявляют ее по отношению к зверям. Ведь от этого они могут приобрести привычку безжалостно мучить зверей и не иметь никакого сострадания по к человеческим мукам.

Прилично ли такое удовольствие благородному сердцу? И достойно ли оно мыслящего существа, каковым является человек?

Противо этого охотники могут возразить, что охота полезна для здоровья. Мы видим из опыта, что те, кто увлекается охотой, доживают до глубокой старости, что такое невинное увлечение как охотапристойна господам, поскольку охота прогоняет печаль и являет собой некое подобие битвы. Я далек от того, чтобы отвергать это занятие как способ закалить свое тело, однако следует заметить, что в избыточных занятиях такого рода говорит о невоздержанности. Ни один князь не жил больше кардинала де Флери⁴⁷ и нынешнего папы⁴⁸, однако оба не были охотниками. Прилично ли нам это времяпровождение, если оно ничего не обещает, кроме долгой жизни? Дольше всего живут монахи. Но стоит ли только из-за этого идти в монастырь?

Какой смысл от бесполезно прожитой жизни, даже они сравнима по длительности с жизнью пророка Мафусаила? Мне кажется, что чем больше человек мыслит, чем больше он совершает полезных дел, тем дольше живет он на свете.

Я согласен с тем, что охота представляет собой великолепное зрелище, а всему великолепному место при дворах государей, но государь может и иными способами доказывать свое величие. Более того, охота — это занятие, которое менее всего

⁴⁷ Кардинал де Флери (1653-1743) государственный министр, фактический глава внешней политики в первые годы царствования Людовика XV.

⁴⁸ Речь идет о папе Клименте XII (1730-40).

приличествует государям, поскольку их величие составляют дела, которые совершаются на благо подданных.

Если количество зверей умножилось и они портят поля земледельцев, то легко можно было бы поручить егерям, чтобы они истребили их за деньги. Что же касается монархов, то им ни в чем более не следует упражняться, кроме управления государством, которое заключается в том, чтобы иметь сведения о своей стране и применять знания на благо своего народа. Их обязанность состоит в том, чтобы учиться правильно мыслить, и разумно вести свои дела.

Кроме того, следует отметить, что и охота не способствует и воспитанию великих полководцев: Густав-Адольф, Тюренн⁴⁹, Мальборо и Принц Евгений, которые были славными мужами и военачальниками, не являлись охотниками. То же самое можно сказать и о Цезаре, Александре и Сципионе.

Гораздо основательнее и разумнее упражнять свой разум в военной науке, рассуждая о расположении дорог, местностей, нежели думать о тетеревах, гончих собаках, оленях и прочих зверях.

Один великий князь, предпринявший свой второй поход в Венгрию, заблудившись на охоте, едва избежал опасности попасть в плен туркам. Поэтому следует запретить заниматься охотой в военное время, поскольку это занятие способствует многим беспорядкам, когда армия находится на марше.

Таким образом, я заключаю, что государям простительно упражняться в охоте тогда, когда делают они это для отвлечения от злых и печальных мыслей. Я, говоря об этом, ни в коем случае не запрещаю находить в охоте увеселение, однако попечение государством, приведение его в цветущее состояние, его защита, а также возможность видеть плоды своей деятельности, вне всякого сомнения, является величайшим удовольствием. Следовательно, несчастен тот, кто находит удовлетворение в ином.

ГЛАВА XVI. О ЩЕДРОСТИ И ЭКОНОМИИ ГОСУДАРЯ.

Пифидий и Алкаменид, два славнейших ваятели, высекли из камня статуи Минервы, одну из которых афиняне желали поставить на воздвигнутом постаменте. Эти статуи были выставлены публично, и из них Алкаменидова получила похвалу, о другой же было сказано, что она сделана нехорошо. Пифидий, не опровергая народного заблуждения, просил, чтобы афиняне поставили их вместе. Те сделали это, и статуя Пифидия стал выглядеть лучше изваяния соперника. Скульптор приписал это счастливое происшествие своему умению соизмерять размеры предметов на расстоянии. Ту же пропорциональность необходимо соблюдать и в науке управления. Различие мест создает различие в правилах, если бы кто-нибудь желал употреблять только одни правила, он сам был бы причиной того, что они в некоторых случаях оказались бы ложными. Ибо, что подходит для великого королевства, в малом государстве может принести вред.

Равно и щедроты, проистекающие от изобилия и распространяющиеся по всем частям государства, приводят великую страну в цветущее состояние, поддерживают ее, и умножают нужды богатых людей, чтобы тем самым обеспечить убогим работу и пропитание.

Если бы неосторожный министр пришел к мысли прекратить такое расходование средств в великом государстве, то из-за этого оно стало бы слабым и бессильным. В противоположность этому подобный расход средств угрожал бы падением малому государству, деньги выходящие в большом количестве из казны, и не возвращающиеся в нее принесли бы нежному государственному телу болезнь и затем уничтожили бы его.

⁴⁹ *Густав II Адольф* — (1594-1632), король Швеции с 1611 г., из династии Ваза, великий полководец. *Тюренн* Анри де Ла Тур д'Овернь (1611-1675) — виконт, маршал Франции (с 1660 г.), считается образцовым поководцем XVII столетия.

Поэтому каждый министр должен взять за правило не смешивать малые государства с большими. Однако Макиавелли, рассуждая об этом сделал большие ошибки.

Первая его ошибка состоит в том, что он слово «щедрость» употребляет в неопределенном смысле. Он не отличает щедрости от расточительства. Государь, говорит он, должен быть скуп, если намерен совершить нечто важное, но я, напротив, утверждаю, что ему в этом случае стоит проявлять больше щедрости, и это соответствует действительности.

Я не знаю ни одного такого героя, который, в самом деле, не был бы таковым. Скупость означает, что ты говоришь своим подданным: «Не ожидай от меня ничего, я твои заслуги всегда буду плохо вознаграждать». Это означает ни что иное, как упразднить побуждение, которое каждому подданному свойственно от природы, а именно, — верно служить своему государю.

Без сомнения никому, кроме экономного хозяина, нельзя быть щедрым. Только тот, кто разумно управляет своим имуществом, может творить добро другим.

Известно, что большие издержки французского короля Франциска I⁵⁰ стали причиной его несчастья. Этот король был не щедр, но расточителен; когда же его состояние стало незначительным, он стал он настолько скуп, что деньги предназначенные на расходы двора, спрятал. Однако не следует иметь сокровища, которые лежат без всякого обращения.

Если кто ничего больше не умеет, кроме накопления денег и закапывания их в землю, то, кто бы он ни был: частное лицо, или король, он ведет себя глупо. Двор Медичи, только потому стал господствовать над Флоренцией, поскольку великий Козимо⁵¹, отец отечества, хотя и был купцом, был при этом весьма способен и щедр. Что касается скупого, то дух его ничтожен; и я думаю, что кардинал фон Нец справедлив, когда говорит, что в великих предприятиях, не следует щадить денег. Государь должен так управлять, чтобы, когда нужно, иметь много денег. С их помощью он распространяет торговлю и поддерживает труды своих подданных, если в состоянии им помочь, что возбуждает к нему любовь и почтение.

Макиавелли говорит, что щедрость делает государя достойным презрения. Так надлежит говорить только грабителю, но пристало ли это говорить тому, кто собирается давать монархам наставления?

Государь, уподобляется небу, которое каждый день проливает и дождь, и росу, и неисчерпаемым запасом своим делает землю плодоносной.

ГЛАВА XVII. О ЖЕСТОКОСТИ И МИЛОСЕРДИИ, И ЛУЧШЕ ЛИ БЫТЬ ЖЕСТОКИМ, ЧЕМ ЛЮБИМЫМ ГОСУДАРЕМ?

Самое драгоценнейшее сокровище, которое доверено государю — это жизнь его подданных. Его долг дает ему власть приговорить преступника к смерти, либо помиловать его.

Благой государь сам признает эту власть над жизнью своих подданных за самую тяжелую ношу. Он знает, что те кого он осуждает на смерть, такие же люди, как и он сам. Он, подобно человеку, который позволяет отнять у себя неизлечимую больной член, знает что это необходимо сделать, дабы сохранить все остальное здоровым, невзирая на то, что все части тела ему одинаково дороги.

Макиавелли почитает эти столь важные для государя вещи за ничто, жизнь человеческая у него ничего не значит, и корыстолюбие, которому он поклоняется как богу, подавляет у него все остальные чувства. Он предпочитает бесчеловечность

⁵⁰ Франциск I (1494 – 1547), король с 1515 г. При его правлении начался кризис французского государства.

⁵¹ Козимо Медичи (1389 – 1464) – основатель династии флорентийских правителей.

милосердию. Он тем, кто восходит на престол, больше, чем остальным людям советует быть бесчеловечными.

Многие палачи, которые возвели героев Макиавелли на царство, ревностнее всего их поддерживают. Такие слуги для Цезаря Борджиа являлись защитой от возмездия за те злодеяния, которые он совершил. Макиавелли приводит стихи Вергилия, которые он влагает в уста Дидоне вовсе не к месту. Вергилий заставляет говорить Дидону⁵² то, что иной поэт в сходных обстоятельствах заставляет говорить Иокасту в «Эдипе». Изречения этих героев вполне соответствуют их характеру, однако ни Дидону, ни Иокасту⁵³ не стоит приводить в пример в той книге, которая повествует об управлении, но следует говорить о людях искусных и добродетельных.

Этот министр всего больше всего хвалит строгость по отношению к солдатам. Противопоставляя кротость Сципиона суровости Ганнибала, он предпочитает карфагенянина римлянину, заключая из этого, что жестокость является основанием порядка и воинской дисциплины.

Я согласен с тем, что в армии без строгости никакого порядка нельзя соблюсти, ибо как еще можно распутных, диких, злобных, боязливых и безрассудных тварей содержать в послушании и порядке, если их не удерживать страхом наказания? Единственно, чего я хочу потребовать от Макиавелли в этих делах, так это умеренности. Если кротость располагает добронравного мужа к благодати, то не меньше этого побуждает премудрость к кротости, и он в этом случае, подобен искусному кормчему, который приводит в порядок корабль не ранее того, как он ему понадобится. В некоторых случаях требуется быть строгим, однако не стоит никогда быть жестоким, и я предпочитаю, чтобы солдаты во время сражения любили государя, чем боялись его.

Макиавелли неистощим в своих фантазиях, и я приступаю теперь к наивреднейшему из его положений. Государь, говорит он, при страхе подданных своих более удачлив в войне, нежели при их любви, поскольку многие из людей склонны к неблагодарности, измене, притворству к подлым делам и к скупости. Любовь бессильна перед злостью. Под страхом наказания подданные гораздо лучше будут соблюдать свой долг.

Я не опровергаю того, что люди неблагодарны, и не оспариваю также и того, что строгость в определенных случаях бывает полезна. С помощью страха порой можно многое сделать, но я все же утверждаю, что государь, имеющий стремление возбудить страх по отношению к себе, будет властвовать над несчастными рабами. От таких подданных никаких великих дел нельзя ожидать. Все, что делается из страха и неуверенности, всегда несет на себе след своего происхождения. Государь, имеющий дарование возбудить к себе любовь, будет управлять сердцами своих подданных, ибо они сами находят свою собственную пользу в том, что он их господин. Да и в древности можно найти примеры превосходных дел, которые осуществлены были из любви и верности; но я скажу еще, что склонность к возмущениям в наши времена равита гораздо меньше чем в прежние.

Нет ни одной такой державы, где бы государь, хотя бы в малом, опасался своего народа, — кроме Англии, однако же и здесь король ничего может не бояться, если он сам не будет причиной этих возмущений. Поэтому я заключаю, что жестокий государь скорее, чем милостивый, подвергает себя опасности быть преданным, поскольку бесчеловечность тяжело переносить, и подданные скоро от этого устают, благодать же всегда является достойной любви.

Поэтому желательно чтобы ради блаженства мира все государи были милостивы, однако не следует им также быть сверх меры кроткими, дабы их благодать всегда оставалась добродетелью и никогда не была слабостью.

⁵² Не вынясы разлуки с Энеем карфагенская царица Дидона кончила жизнь самоубийством.

⁵³ *Иокаста* — царица Фив, мать Эдипа, убившего своего отца и ставшего мужем своей матери. Этот сюжет лег в основу трагедии Софокла "Эдип-тиран".

ГЛАВА XVIII. КАК СЛЕДУЕТ ГОСУДАРЮ ХРАНИТЬ ДАННОЕ ИМ СЛОВО?

Учитель тиранов отваживается защищать притворство, которым государи якобы могут обманывать свет. Это — то, что я в первую очередь собираюсь оспорить.

Известно, как далеко простирается людское любопытство — зверь, который все видит, все слышит, и склонен преувеличивать все, что ему известно. Если автор рассуждает здесь о поведении частных лиц, то это он делает своего увеселения, и, напротив, если он рассматривает характер государей, то это он делает для своей собственной пользы. Государи гораздо больше частных лиц поддаются влиянию различных идей. Они в некотором отношении подобны звездам. Как звезды разглядываются астрономами с помощью различных приборов, так и государи изучаются своими придворными. Поэтому им не удастся скрыть свои пороки, — ведь и солнце не может скрыть своих пятен!

Если маска притворства прячет собственную природу государя, то он не может носить ее постоянно. И коли он, хотя бы на минуту, снимет ее с себя, то уже и этого достаточно, чтобы удовлетворить человеческое любопытство.

Таким образом, для государя нет смысла скрывать свои поступки и намерения под маской притворства. Ибо никогда о человеке не судят по его словам, но всегда согласовывают его речи и действия, и после такого сравнения обман и притворство, как правило, становятся явными. Следовательно, для государя лучше всего оставаться самим собой.

Сикст V, Филипп II и Кромвель⁵⁴ во всем свете признаны смелыми людьми, которые, однако, никогда не были добродетельными. Но как бы ни был государь дерзновенен и как бы не соблюдал правила Макиавелли, однако он своим злодеяниям никогда не сможет придать характера добродетели.

Макиавелли не лучше рассуждает о тех побудительных причинах, которые подвигают государя на обман и коварство. Остроумная, но ложная ссылка на кентавра не может ничего доказать, ибо, если кентавр наполовину человек, наполовину конь, то разве из этого следует, что государи должны быть коварны и неукротимы? Поистине, чтобы обучать злодеяниям, скорее следует иметь сильное желание делать это, нежели руководствоваться разумными доводами.

Теперь я хочу рассмотреть заключение, которое, на мой взгляд, является абсолютно неверным. Макиавелли говорит среди прочего, что государю следует иметь свойства льва и лисицы: свойства льва для обуздания волков, а лисицы для того, чтоб быть коварным. Из этого делается вывод, что государю не обязательно выполнять свои обещания, поскольку среди людей встречаются и львы и лисицы.

Впрочем, если бы кто посмотрел на заблуждения Макиавелли с точки зрения здравого смысла, то тезис флорентийца приобрел бы следующий вид: жизнь подобна игре, причем бывают честные игроки, но есть и обманщики. Итак, если государь, играющий с последними, не желает быть обманутым, то он должен знать каким образом осуществляется обман: не для того, чтобы самому обманывать, но чтобы его не могли обмануть другие.

Теперь приступим к другому несправедливому заключению нашего политического наставника. Поелику все люди, говорит он, злобны и каждое мгновения нарушают свои обещания, то и государь не обязан исполнять своего слова. Здесь, во-первых, кроется противоречие; ибо автор вскоре после этого говорит: если человек может притвориться, то он в любое время может обмануть простаков, которые позволяют себя обманывать. Как можно это согласовать? Если все люди злобные, то как среди них отыскать такие простые души, которые можно обмануть?

⁵⁴ Сикст V — римский папа с 1585 по 1590 гг., Филипп II Август (1165 – 1223 гг.) – французский король из династии Капетингов, успешно проводивший политику централизации.

Кроме этого вовсе несправедливо и то, что свет состоит только из злобных людей. Надо быть действительно непорядочным человеком, чтобы не увидеть того, что во всех странах можно найти много добропорядочных лиц, и что сильнейший среди остальных, двор не является ни добрым, ни злым. Таким образом, на чем основывается отвратительное учение, которое основал Макиавелли?

Но даже если мы согласимся с ним, что люди злобны по природе, из это не следует, что мы последуем этому началу. Картуш похищает, разбойничает и убивает, и я из этого делаю заключение, что Картуш злой человек, однако это не значит, что в своем поведении я должен следовать такому примеру. Если бы, говаривал Карл Мудрый⁵⁵, не было в мире ни чести, ни добродетели, то государям их следовало бы ввести.

Итак, когда автор продемонстрировал необходимость в злодеяниях, он желает склонить к ним своих учеников, убеждая их в том, что знающий науку притворства способен обманывать простодушных. Это означает, что если твой сосед прост, а ты имеешь разум, следовательно ты должен его обманывать только потому, что он простодушен. Вот заключения, которые учеников Макиавелли возвели на виселицы и колеса!

Наставнику в науке управления мало того, что он в ходе своего рассуждения доказал, что злодеяния удобнее осуществлять чем добрые дела, он старается еще показать и то, сколь многих людей сделала счастливыми недоверчивость. Жаль только, что Цезарь Борджиа, как герой Макиавелли, был очень несчастлив, поэтому, видимо, автор о нем и не упоминает. Для доказательства этой мысли ему нужен пример, но где ему взять его, как не из истории злых пап, Нерона и тому подобных деятелей.

Он удостоверяет нас, что Александр VI, один из коварнейших и зловреднейших людей, был в свое время счастлив потому, что слабости и легковерие людей знал в совершенстве.

Однако я попытаюсь доказать, что не легковерие людей было причиной того, что предприятия этого папы оказывались удачными. Ссора французского и испанского честолюбия, несогласие и ненависть итальянских дворов и слабость Людовика XII более всего были тому причиной.

Поэтому коварство и в политике может принести зло, — если слишком на него рессчитывать. В качестве примера возьмем одного великого министра, а именно, дона Людовика фон Гаро. Он говорил о кардинале Мазарини, что тот подвержен великому политическому пороку потому, что всегда был обманщиком. Мазарини хотел Фабера посвятить в непристойный заговор, на что маршал Фабер отвечал ему: “Ваша Светлость! Позвольте мне не участвовать в обмане герцога Савойского, тем более, что выгода от этого невелика.. Все знают, что я честный человек, поберегите же мою честность до того, когда она сослужит отечеству достойную службу.”

Я не говорю здесь о честности, или добродетели, поскольку размышляю только о пользе государей, но подтверждаю, что когда они обманывают, то следуют негодной политической науке. Они обманут только один раз, но навсегда лишатся доверия у других монархов.

Иногда случается, что государи причину своих поступков обосновывают манифестом, после чего поступают вопреки этому документу. Такого рода дела значительно заметнее для нас, ибо чем скорее последует противоречие, то тем оно приметнее. Римская церковь, во избежание такого рода противоречий, при обсуждении кандидатур тех, кого она причисляет к лику святых, поступает весьма разумно, когда это делает лишь по прошествии ста лет после их кончины, т.е. к тому времени, когда исчезает память об их слабостях. Свидетелей их жизни, которые могли бы возразить против этого, уже не существует, и, следовательно, ничто уже не может противоречить их причислению к лику святых.

⁵⁵ *Карл V Мудрый* (1337-1380 гг.) — французский король (с 1364 г.), сумевший восстановить государство после поражений от англичан во время первого периода Столетней войны.

Впрочем, я сам признаю, что хотя и бывает иногда необходимость нарушить созданные им союзы и договора, однако ему следует отказываться от этого честным образом, уведомляя о своем решении союзников. Следовательно, поступать так надлежит только в крайнем случае, когда этого требует благоденствие народа и чрезвычайная необходимость.

Я намерен эту главу заключить еще одним рассуждением. Следует отметить то, что усугубляет это восхваление злодеяний у Макиавелли. Он желает, чтобы неверный государь свою неверность увенчал лицемерием, думая, что подданные будут более тронуты лицемерной добродетелью, нежели огорчены злыми поступками. Много есть таких, которые согласятся с Макиавелли, но я со своей стороны, утверждаю, что к заблуждениям человеческого разума следует относиться терпимо, если они не влекут за собой порчу души, и народ скорее возлюбит сомневающегося государя, который является честным человеком, нежели благочестивого, но злобного, который всегда во зло им поступает, ибо не мысли государевы, но действия его делают людей счастливыми.

ГЛАВА XIX. ЧТО СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НЕ БЫТЬ ПРЕЗРЕННЫМ И НЕНАВИДИМЫМ.

Неистовство, заставляющее философов выдумывать разные учебные системы, свойственно также и наставникам в политической науке. Макиавелли больше, чем другие, заражен этой язвой. Он стремится доказать, что государь должен быть злым обманщиком, вот правила его благочестия! Макиавелли сочетает в себе всю злость тех чудовищ, которых победил Геркулес, но он не имеет их силы, и, поэтому, нет нужды в геркулесовой булаве, чтоб его умертвить, ибо что может быть для государя естественнее и пристойнее правосудия и благочестия? Я не думаю, чтобы это нужно было, доказывать различными доводами. Этот учитель сам будет посрамлен, если решится доказывать противоположное. Ибо если он полагает, что государь уже утвердивший себя на престоле, должен быть свирепым, обманщиком и изменником; то он сам стремится сделать его злонравным, и если государю, желающему вступить на престол, он хочет приписать все эти злодеяния, чтобы с их помощью утвердить свои незаконные завоевания, то сочинитель дает ему такие советы, которые могут настроить против него всех государей и все республики. Ибо как можно частному лицу иным способом достигнуть престола, или захватить власть в какой-либо республике, как не лишением земель царствующего государя? Однако об этом европейские правители даже и слышать не желают. Если бы Макиавелли написал сочинение для воров, то и сей труд не был бы позорнее его «Князя».

Впрочем я еще должен обратить внимание на некоторые ложные заключения, которые встречаются в данной главе. Макиавелли подтверждает, что государя ненавистным делает то, что он несправедливо завладевает имуществом подданных, либо нарушает целомудрие их жен. Правда, хотя корыстолюбивый, несправедливый, наглый и свирепый государь и бывает ненавистен, однако в любовных делах обстоятельства совсем иные. Ибо пусть Юлий Цезарь, названный в Риме мужем всех жен и женою всех мужей, а также Людовик XIV и польский король Август, весьма любили женский пол, однако из-за этого они не были ненавистны своему народу. Цезарь был умерщвлен сторонниками римской свободы, неоднократно вонзившими в его грудь кинжалы не потому, что он был страстный любовник, но потому, что он насильно присвоил себе господство.

Может быть кто-нибудь, подтверждая мнение Макиавелли возразит мне, что царей изгнали из Рима после того как было нарушено целомудрие Лукреции. Но я отвечу на это, что не любовь молодого Тарквиния к Лукреции, но насильное принуждение к любви, было причиной возмущения римлян⁵⁶. Этот поступок возбудил в сердце народа

⁵⁶ История, рассказанная Титом Ливием, повествует о том, что Секст Тарквиний, сын царя римлян Тарквиния Гордого изнасиловал Лукрецию, жену Тарквиния Коллатина, покончившую жизнь самоубийством. Это послужило причиной народного возмущения и изгнания Тарквиния Гордого из Рима.

возмущение, напомнившее о прежних злодеяниях Тарквиния, и они решили отомстить за все, а не только за Лукрецию.

Я не оправдываю поведения некоторых государей в любовных делах, но хочу сказать что эти поступки не делают государей ненавистными народу. При добронравных государях любовь считается простительной слабостью, если она не сопровождается несправедливыми действиями. Можно упражняться в любовных делах так, как Людовик XIV, английский король Карл II, и польский король Август; но не так, чтоб изнасиловать Лукрецию, убить Поппею и извести со света Урию (как Тарквиний, Нерон и Давид).

В этом заключается настоящее противоречие. Наставник политиков желает, чтобы государь для защиты от тайных заговоров возбуждал к себе любовь своих подданных, в семнадцатой же главе он говорит, что государю больше надлежит возбуждать в подданных страх; ибо тогда он полагался бы на то, что находится в его власти, с народной же любовью дело обстоит иначе. Итак, какое из этих мнений более справедливо? Он говорит подобно оракулу, словеса которого можно толковать произвольно, однако настоящее изречение оракула, если сказать правду, является речью обманщика.

Вообще, я должен заметить еще и то, что заговоры и тайные убийства ныне почти прекратились. С этой стороны государи находятся в безопасности, поскольку это — злодеяние очень древнее, и ныне в нем нет необходимости. По крайней мере, подобное гнусное преступление может быть совершено только безродными бродягами.

Из числа необычных вещей, связанных с заговорами, Макиавелли высказывает одну заслуживающую внимания мысль, которая, однако, в его устах выглядит зловеще. Заговорщик, говорит он: «Опасается страха наказания, короли же защищены или величием государства, или достоинством своего величия.»

Мне кажется, что автору политической науки не свойственно говорить о законах, если он больше привык вести речь о корыстолюбии, свирепости, неограниченной власти и незаконных завоеваниях. Он уподобляется протестантам, которые используют те же доводы для опровержения папизма, что и паписты для его защиты.

Таким образом, Макиавелли дает совет государям, чтобы они стремились приобрести наробную любовь и для этого искали расположения и у знати и у народа. Он справедливо говорит о том, что поступки, могущие возбудить ненависть обоих сословий необходимо поручать другим, и для этого учредить судей, решающих споры между знатью и народом, примером чему является французское правление. Этот ревностный друг неограниченного господства и законно присвоенной власти восхваляет те привилегии, которыми в его время пользовались члены французского парламента⁵⁷. Но я подтверждаю, где можно найти такой образ правления, мудрость которого в наши времена должно поставить в пример. Не порицая других, это следует сказать и об английском государственном строе. Там парламент является судьей между народом и королем, и король имеет власть учреждать благое, противное же ему делать воспрещается.

Макиавелли далее пускается в пространное рассуждение, связанное с жизнью римских императоров от Марка Аврелия до обоих Гордианов⁵⁸. Он приписывает эти частые перемены той причине, что государство было продажным, и что оно покупалось за деньги. Однако это не было единственной причиной, ибо хотя Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба, Оттон и Виттелий⁵⁹ имели несчастный конец своей жизни, однако они так, как

⁵⁷ Имеются в виду французские Генеральные Штаты, высший орган сословного представительства, существовавший во Франции с XIV столетия.

⁵⁸ *Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман Африкан* (159 – 238 гг.) – римский император, правивший в 238 г., *Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман Африкан* (Гордиан II) – сын Гордиана I, правил вместе с отцом.

⁵⁹ *Калигула Гай Цезарь Германик* (12 – 41) — римский император с 37 г., «прославившейся» своим произволом. *Тиберий Клавдий Друз Германик* (10 до н. э. – 54 н. э.), — император с 41 г., убит Агриппой, своей женой. *Сервий Сульпиций Гальба* (3 до н. э. – 69 н.э.) — римский император с 68 г., был убит легионерами на римском форуме, *Марк Сальвий Отон* (32 – 69) — римский император в 69 г., правил в течение трех месяцев после гибели Гальбы, покончил жизнь самоубийством, *Авл Виттелий* (15 – 69) —

Дидий и Юлиан, не покупали Рима. Наконец, хотя эта продажа государства была по большей части причиной убийства римских императоров, однако подлинная причина возмущений крылась в самом образе правления. Лейб-стража тогдашних императоров (преторианцы) была подобна мамелюкам в Египте, янычарам в Турции и стрельцам в Москве. Хотя Константин⁶⁰ и удалось отказать им от службы, однако, при всем том, последовавшие за этим несчастья государства не спасли его обладателей от тайных убийств и отравлений. Теперь я вижу, что только одни злые императоры умирали лютой смертью, Феодосий же преставился на своем ложе, и Юстиниан⁶¹ благополучно жил восемьдесят четыре года. Из этого я заключаю, что ни один злой государь не был счастлив, да и Август не пребывал в покое до тех пор, пока не стал добродетельным. Тиран Коммод, наследник божественного Марка Аврелия, не взирая на то почтение, кое имели люди к его родителю, был умерщвлен, Каракалла из-за своей свирепости не удержался у власти. Александр Север Максиминем из Фракии был убит⁶²; но и этот также, когда он варварскими поступками обидел всех, был тайно лишен жизни. Макиавелли говорит о том, что причиной была его низкая порода, однако это неверно. Муж, ставший государем из-за своей храбрости, не имеет к своим родителям никакого отношения, и говорить надо о его храбрости, а не о его происхождении. Пипин хотя и был сыном деревенского кузнеца, Диоклетиан — раба и Валентиниан⁶³ — канатчика, однако при всем том, все оказывали им почтение. Сфорца, овладевший Миланом, был мужик, Кромвель, подчинивший Англию и потрясший всю Европу был сыном купца, великий Магомет, основатель могущественнейшего во всем мире государства, был слугой купца, Само⁶⁴ первый славянский король был французским купцом, славный Пяст⁶⁵, имя которого почитается в Польше, избран был королем тогда, когда он ходил еще в лаптях и даже через сто лет был почитаем

Как много генералов, министров и канцлеров, которые вышли из низов! Вся Европа преисполнена такими людьми, однако она при них пребывает в благополучии, ибо все имеют такие должности, которых они заслуживают. Я никак не говорю этого для того, чтобы уменьшить почитание крови Карла Великого и Оттоманской порты, но наоборот, имею основания на то, чтобы чтить и кровь заслуженных героев.

При всем не следует упускать из виду и того, что Макиавелли весьма погрешает против истины, думая, что во время Севера⁶⁶ его опорой было большое количество солдат, но история утверждает обратное. Чем более многочисленна стража, тем больше силы она имеет и равным образом опасно ласкать ее или ограничивать ее влияние. Нынешних солдат опасаться нет причины, поскольку они разделены на малые отряды, каждый из которых следит за каждым. Турецкие султаны только потому и пребывают в опасности быть удушенными, что они не выполняют этого политического правила. Турки являются рабами султана, султан же является рабом своих янычар. В христианской Европе государь

римский император (69), одержав победу над Отоном, был вынужден защищаться от сторонников Веспасиана, растерзан римлянами.

⁶⁰ *Константин Великий* (280 – 337), римский император с 306 г., разрешивший исповедовать христианство в Римской империи.

⁶¹ *Феодосий I* (346 – 395), римский император с 379 г., утвердивший господство ортодоксального христианства.

⁶² Фридрих перечисляет императоров конца II — начала III вв., когда римское государство потрясла серия переворотов.

⁶³ *Гай Аврелий Валерий Диоклетиан* (239 – 313) — римский император с 284 по 305 гг., реформировавший государство в духе бюрократической монархии (домината). *Валентиниан I* (321 – 375) — римский император, правивший с 364 г.

⁶⁴ *Само* (ум. 658) — князь, создавший первое государство славян на территории Чехии, Словакии и Моравии.

⁶⁵ *Пяст* — легендарный основатель династии польских королей Пястов, живший ок. 960 г.

⁶⁶ *Септимий Север* (146 – 211) — римский император с 193 г., сумел на время консолидировать римскую державу.

все подвластные ему сословия равно почитает, не делая между ними никакого различия, которое могло бы повредить его безопасности.

Пример Севера, представленный Макиавелли для тех, кто желает взойти на престол, настолько же для них вреден, насколько пример Марка Аврелия мог быть для них полезен. Но как можно Севера, Цезаря Борджиа и Марка Аврелия ставить в пример по одному и тому же поводу? Это значит — мудрость и чистейшую добродетель смешивать с гнуснейшими злодеяниями. Я в заключение еще раз хочу напомнить о том, что Цезарь Борджиа со всеми своими коварными замыслами имел несчастный конец, и что Марк Аврелий, как увенчанный философ, пребыл даже до самой своей кончины благим и добродетельным государем, и никаких перемен в своем счастье не испытал.

ГЛАВА XX. О РАЗЛИЧНЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКОЙ.

В древние времена изображали Януса с двойным лицом, чтобы таким образом представить отношение между прошлым и будущим. Если изображение этого бога взять как аналогию, то его можно сравнить с государями. Они должны так же, как Янус оглядываться назад в историю, которая может им дать наставления в поведении. Они должны также как Янус, смотреть перед собой, и с помощью разума согласовывать свои обязанности с положением дел и согласовывать будущее с настоящим.

Макиавелли предлагает государям пять вопросов, которые предназначены как тем, которые овладели новыми землями, так и тем, которым надо утвердиться в своем владении. Рассмотрим эти вопросы в перспективе возможных последствий от принятого решения.

Первый его вопрос следующий: должен ли государь обезоружить народ, который он себе подчинил?

При ответе на это стоит учитывать, что способ формирования армии со времен Макиавелли существенно изменился. Государство всегда хорошо защищено такой армией, которая, содержась в порядке и страхе, бывает иногда слабой, а иногда сильной, от толпы же вооруженных поселян ничего хорошего ожидать нельзя. Хотя во время осады и принимаются граждане за оружие, то для того, кто осаждает город это ничего не значит, поскольку он может устроить ополчение бомбами и огненными ядрами. Кажется, что наиболее последовательно было бы разоружить жителей покоренной страны. Римляне, опасаясь завоеванной ими Британии, и не имея покоя от завоеванного ими народа, решили сделать их добросердечными и нежными, чтобы этим смягчить их воинственность, что им и удалось. Хотя корсиканцы очень немногочислены, однако они отважны и предприимчивы, как и англичане, и я не думаю, чтобы этих каким другим способом, кроме разума и милости можно было бы укротить. Таким образом, если кто желает господствовать над этими островами, то, думаю, ему необходимо смягчить нравы жителей, чтобы обезопасить себя. Но поскольку я рассуждаю сейчас о корсиканцах, то должен напомнить также и о том, что на их примере мы видеть можем, каким образом на храбрость и добродетель может влиять любовь к вольности, и как опасно и несправедливо будет ее притеснять.

Второй вопрос связан с тем, на кого из своих завоеванных подданных должен опираться государь при освоении им новой державы.

Если кто завладеет каким-нибудь государством с помощью заговора некоторых граждан, или посредством измены, то в этом случае весьма безрассудно было бы полагаться на изменников, которые и нового государя могут предать. Напротив, те, которые были верны прежнему своему правителю более способны остаться верными и новому, ибо среди них есть люди, которые обладая некоторым имуществом, любят порядок, и которым каждая перемена приносит вред, хотя, конечно, государю никому не следует доверяться без предварительного рассуждения.

Но положим, что угнетенный народ, низложивший своего тирана, пригласил на царство другого государя. В этом случае, я думаю, что последний во всех случаях должен поступать в соответствии с тем доверием, которое ему оказали подданные. И если он обманет их надежды, то это будет ничем иным как неблагодарностью. Это, несомненно, сослужило бы ему плохую службу. Принц Вильгельм Оранский⁶⁷ оказывал людям поручившим ему кормило английского государства как дружбу, так и свое доверие до конца своей жизни. Те же кто противился ему вынуждены были покинуть страну вслед за королем Яковом⁶⁸.

В государствах с выборным управлением, в которых избрание зависит от партий, многое значит продажность людей, возглавляющих последние. Они думают, что новый государь по восшествии на царство должен притеснять противников его избрания и благодетельствовать избравшим его.

Польша служит нам в этом случае примером. Там престол продавался столь часто, что эту продажу можно было устраивать на публичных торжищах. Своей щедростью польский король может уничтожить все препятствия, стоящие на его пути к власти. Он может знатные фамилии склонить на свою сторону обещаниями различных должностей. Но поскольку люди плохо помнят оказанные им благодеяния, то ее надо чаще освежать новыми дарами. Одним словом, Польская республика подобна бездонному сосуду Данаид⁶⁹. Поэтому щедрый король здесь никогда не в состоянии насытить подданных. И так как он должен оказывать многие милости, ему необходимо иметь средства и на будущее, чтобы иметь поддержку.

Третий вопрос Макиавелли связан с безопасностью выборного короля. Состоит он в следующем: лучше ли поддерживать среди подданных согласие, или возбудить между ними вражду?

Этот вопрос, может быть актуален во Флоренции во времена предков Макиавелли, в наши же дни, не думаю даже, что он вообще будет поставлен. В качестве причины я приведу лишь в пример Менения Агриппу⁷⁰, который примирил римский народ с Сенатом. Впрочем, для республики до некоторой степени необходимо сохранять недоверие между партиями, ибо если одна партия не будет следить за другой, то республика легко превратится в монархию.

Некоторые государи думают, что разногласие их министров необходимо для их собственной пользы. Они надеются быть менее ненавистными, чем противники, желающие истребить друг друга. Но если эта ненависть так действует, тогда одна может вызвать другую, которая может оказаться более опасной. Ибо вместо того, чтобы министрам блюсти общественную пользу, часто происходит то, что они, стремясь вредить друг другу, постоянно пребывают во взаимной борьбе. В этом случае они будут дела и пользу государя смешивать со своими стремлениями.

Таким образом, ничто так не способствует крепости монархии, как тесное и нераздельное согласие всех ее членов, но чтобы его утвердить, разумному государю следует непрестанно заботиться об этом.

Мой ответ на третий вопрос Макиавелли годится и в качестве ответа на его четвертый вопрос. Суть его в следующем: должен ли государь, возбуждать против себя партии, или должен ли он приобретать дружбу своих подданных?

⁶⁷ *Вильгельм III Оранский* (1650 – 1702) — штатгальтер Нидерландов, призван был на английский престол в 1689, после государственного переворота, свергнувшего власть династии Стюартов.

⁶⁸ *Яков II* (1633 – 1701) — английский король с 1685 по 1689 гг., пытавшийся восстановить в Англии католицизм и абсолютную королевскую власть. Был свергнут во время т. н. «славной революции» 1688 – 1689 гг.

⁶⁹ *Данаиды* — в греческой мифологии 50 дочерей царя Даная, убивших по велению своего отца в брачную ночь своих мужей. В наказание в Аиде они должны были наполнять водой бездонную бочку.

⁷⁰ *Менений Агриппа*, — человек примиливший сенат с римским народом, приведя аналогию о том, что государство подобно телу, и каждая часть должна без ропота выполнять свои обязанности.

Кто создает себе неприятелей с тем, чтобы их побеждать, тот творит для себя чудовищ, которых ему же и следует уничтожить. Куда естественнее и разумнее, да и человечнее приобретать друзей. Счастливы те государи, кои знают сладость дружелюбия; но еще счастливее те, которые заслуживают любовь и почтение своего народа.

Теперь приступим к пятому и последнему вопросу Макиавелли: должен ли государь иметь крепости и цитадели, или он должен их истреблять?

В рассуждении о малых принцах я уже говорил об этом. Здесь же я намерен дать совет как надо поступать великим государям.

Во времена Макиавелли мир пребывал во всеобщем смятении. Дух мятежей и возмущения владычествовал повсюду, тогда в государствах ничего не было, кроме партий и тиранов. Ежечасные и долговременные возмущения побуждали монархов строить в города цитадели, чтобы с их помощью беспокойных городских жителей удерживать в подчинении.

После этих варварских времен не слышно о бунтах и возмущениях или потому, что люди устали нападать друг на друга, либо из-за того, что государи имеют в своих владениях неограниченную власть. Беспокойный дух, обуревавший наших предков, теперь склоняется к спокойствию. И для того, чтобы быть уверенным в верности подданных, уже не нужны цитадели. О крепостях же, которые должны сдерживать неприятеля, следует рассуждать несколько иначе.

И войска и крепости для государей одинаково полезны. Ибо если они выступили против неприятеля с армией и потерпели поражение, то в этом случае необходимы крепости, дабы можно было отвести армию по защиту орудий, и, если неприятель осадит крепость, то армия, благодаря этому, выиграет время и успокоится от ратных трудов. Государь же, между тем, собрав войско, может крепость освободить ее от осады.

В последнюю Фландрскую войну между Императором и Францией⁷¹ из-за крепостей обе стороны не могли тронуться с места, и во всех этих сражениях, в которых участвовало до ста тысяч человек, не было никакого результата ни для одной из сторон, кроме того что один или два города оказались взяты. В следующих же походах они снова вели борьбу за эти ничтожные преимущества. Таким образом, если государство обладает сильными крепостями, то и длительная война ему не страшна, ибо ее результатом может быть лишь потеря десяти миль земли.

На открытом же поле одно поражение, или два похода в состоянии дать кому-либо преимущество и поработить целое государство. Александр, Цезарь и Карл XII, должны были свою славу приписывать тому обстоятельству, что они в завоеванных землях мало встречали укрепленных мест. Покоритель Индии в славных своих походах, имел не более двух осад, равным образом и победитель Польши столько же имел осад. Принц Евгений, Виллар, Мальборо и Люксембург⁷², хотя и были великими генералами, однако крепости неким образом омрачали их славу победителей. Французы очень хорошо знают пользу крепостей, ибо от Брабанта даже до Дюфена создана цепь укрепленных мест, отчего владения Франции, примыкающие к Германии, кажутся пастью льва, усеянной двумя рядами грозных зубов. На этом я считаю, что доказательств в пользу крепостей высказано достаточно.

ГЛАВА XXI. КАКИМ ОБРАЗОМ ПОСТУПАТЬ ГОСУДАРЮ, ЕСЛИ ОН ЖЕЛАЕТ, ЧТОБЫ ЕГО ПОЧИТАЛИ.

⁷¹ Имеется в виду кампания 1708 г. войны за испанское наследство. «Фландрской» она названа потому, что наиболее значительные события во время второй половины этой войны происходили именно во Фландрии.

⁷² Полководцы, принимавшие участие в войне за испанское наследство.

Эта глава Макиавелли содержит и благие мысли и им противоречащие. Я намерен показать прежде его пороки, а потом подтвердить то, что он говорит похвального, после этого выскажу свое суждение относительно этого.

Автор приводит в пример поступок Фердинанда Арагонского тем, кто желает прославиться с помощью великих предприятий, отважных и чрезвычайных действий. Макиавелли ищет чудесного в дерзости попыток и в проворстве, с которыми они осуществляются. Я и сам признаю, что это представляет собой нечто величественное, которое только в том случае бывает похвальным, если предприятие справедливо. Ты славишься, говорили скифские посланники Александру Великому, как истребитель разбойников, но ты сам величайший на земле грабитель, поскольку все завоеванные народы ты разграбил и расхитил. Если ты бог, то должен смертным делать благое, и не отнимать от них того, что они имеют; но если ты человек, то помни о том беспрестанно, кто ты таков!

Фердинанд Арагонский не был доволен тем, что он начал войну; но также верно и то, что он использовал благочестие для того, чтобы скрывать свои намерения. Он, издеваясь над верностью присяге, ни о чем не говорил, кроме правосудия, и ничего не делал, кроме несправедливостей, что достойно всякого поругания.⁷³

Во-вторых, Макиавелли учит государя, чтобы его награждения и наказания были очевидны, и чтобы все его действия носили знак его величия. Великодушные государи не будут иметь недостатка в славе, а особенно тогда, когда их щедрость будет действием их великой их души, но не плодом их корыстолюбия.

Благость возвеличит их более остальных добродетелей. Цицерон говорил Цезарю: в твоём счастье нет ничего более достойного, кроме того, что ты многих граждан можешь спасти. И нет пристойнее для твоей добродетели, нежели милость твоя к ним. Таким образом, назначаемые государем наказания должны быть меньшими, нежели преступления, а награды его всегда должны превосходить заслуги.

Теперь обратим внимание на кроющееся здесь противоречие. Доктор этой политической науки желает в данной главе подтвердить то, что государи должны соблюдать свои союзы, в восемнадцатой же главе он торжественно освобождает их от данного ими слова. Он поступает в этом случае, как оракулы, которые об одной вещи говорят и то и другое.

Но хотя Макиавелли обо всем, о чем мы здесь говорим, рассуждал несправедливо, однако он, правильно отмечает, что государи должны следовать разуму, не вступая в союзы с более сильными чем они, которые вместо того, чтобы оказывать помощь, могут покорить их государство.

В этом был довольно сведущ один великий германский монарх, который равно почитался и неприятелями и друзьями. В то время, когда он со всем своим войском выдвинулся для помощи императору в войне против Франции, шведы ворвались в его земли. Министры его получив известие об этом внезапном нападении, советовали ему пригласить российского государя на помощь, однако владыка этот, предвидя лучше, чем они, отвечал им: россияне подобны медведям, которых нельзя спускать с цепи, ибо затем посадить их на нее будет трудно. Таким образом, он сам защищал свою землю и никогда об этом не жалел⁷⁴.

Если бы я мог жить в будущие времена, то эту главу приумножил некоторыми рассуждениями, однако не имею такой возможности и не могу судить о поступках царствующих ныне государей. О некоторых вещах говорить необходимо, о других же следует молчать.

⁷³ Речь идет о вмешательстве Фердинанда в войну Франции с Неаполитанским королевством, приведшее к разделу последнего.

⁷⁴ Имеется в виду Фридрих I (1657-1713), король прусский с 1701 г., участвовавший в войне за испанское наследство и, одновременно, присоединившийся к антишведской коалиции.

Макиавелли подробно описал то, что связано с нейтралитетом государя, равно как и то, что связано с его обязанностями. С давних времен убеждает нас ежедневный опыт в том, что государь, ни к той и ни к другой стороне не пристающий, подвергает свое государство произволу воюющих партий, его земли становятся театром военных действий, и что он при своем нейтралитете всегда теряет, и ничего не выигрывает.

Для государя существует два способа возвыситься, один — это завоевание земель, если воюющий увеличивает пределы своего владения силой оружия, другой же — хорошее управление, если трудящийся в своей державе поддерживает искусства и науки, которые делают ее могущественной и благонравной.

Вся книга Макиавелли наполнена рассуждениями, относящимися лишь к первому способу. Но поразмыслим и о другом способе, который невиннее и справедливее первого, однако так же действителен.

Самые необходимые и нужнейшие для жизни людей науки, это: земледелие, торговля и мануфактура. Науки же делающие честь человеческому разуму — геометрия, философия, астрономия, красноречие, поэзия, живопись, музыка и ваяние: то есть все, что относится к свободным искусствам.

Но поскольку все государства очень отличаются между собой, то, в одном развито земледелие, в другом — разведение винограда, в одном мануфактура, а в другом — торговля, в некоторых же государствах все они находятся в цветущем состоянии.

Государь, желающий предпринять для своего возвеличивания этот спокойный и приятный способ, должен всенепременно знать в тонкостях свое государство, чтобы ему понимать, какие из этих искусств лучше в нем могут развиваться; и, следовательно, что ему надо делать для их поощрения. Французы и испанцы, видя недостаточное развитие своей торговли, старались изыскать средства ослабить торговлю англичан. Если им это удастся, то могущество Франции увеличится больше чем если бы она завоевала двадцать городов и тысячу деревень.⁷⁵ В этом случае Англия и Голландия, как два преуспевающих и богатейших в государства, непременно падут, подобно больному, снедаемому болезнью.

Государство, изобилие которого заключается в хлебе и разведении винограда, должно соблюдать следующие правила: во-первых, ему следует свою землю сделать плодородной, чтобы даже самая малая часть ее приносила пользу. После этого следует помышлять ему о том, чтобы свои товары в большом количестве вывозить из государства, с небольшими издержками их транспортировать, и продавать дешевле, чем другие.

Что же касается до разнообразных мануфактур, то они могут быть полезны и выгодны для государства. Посредством их снабжает государь своих жителей всем тем, что необходимо для их потребностей и изобилия, и соседи вынуждены будут покупать за деньги плоды этого трудолюбия. С одной стороны, мануфактуры полезны тем, что деньги не выходят за пределы государства, а с другой — споспешествуют тому, что государство постоянно имеет возможность получать новые товары.

Я всегда придерживался мнения, что недостаток в мануфактурах был причиной чрезвычайных странствий северных народов, готов и венедов, которые столь часто завоевывали полуденные страны⁷⁶. В древние времена не знали в Швеции, Дании и во многих германских землях ни о каком другом искусстве, кроме хлебопашества и охоты. Плодоносная земля в известном количестве разделена была между владельцами, которые ее обрабатывали, и получали от этого пропитание.

Но поскольку в холодных странах всегда человеческий род был плодовитее, это послужило причиной того, что в одной земле вдвое было больше жителей, чем земля могла их прокормить. Таким образом, не имеющие пропитания, собравшись все в одно место, стали по необходимости разбойниками. Они грабили другие земли, и сгоняли с них владельцев. Поэтому данные варвары в восточных и западных государствах ничего

⁷⁵ Возможно речь идет об активной поддержке французским правительством Ост-Индской компании, имевшей место как раз во время написания Фридрихом его трактата.

⁷⁶ Особенно в эпоху Великого Переселения народов и нашествий норманнов.

больше для себя не требовали, кроме одной только земли, которая могла им обеспечить пропитание. Ныне же северные земли не меньше населены, но их потребности удовлетворены гораздо в большей степени благодаря устройству мануфактур, и других искусств, от коих целые народы имеют свое питание, которое они раньше другим способом вынуждены были добывать.

Эти средства, способны сделать государство счастливым, и считаются той вещью, которая должна быть вверена государю, и которую он обязан распространять. Самый наивернейший знак, что государство находится под мудрым и счастливым управлением, — это развитие в нем искусств и наук. Это цветы, которые в тучной земле и в благоприятном климате распускаются, в холоде и сухости же они исчезают.

Но чем еще государство может прославиться, как не науками, под его защитой процветающими. Времена Перикла более известны, рассуждениями великих мужей, живших в Афинах, нежели битвами, в которых афиняне участвовали. Времена Августа более известны по Цицерону, Овидию, Горацию, Вергилию, и известны еще изгнанием этого бесчеловечного императора, который большую часть своей славы должен приписывать должен горациевой лире. Времена Людовика XIV прославились из-за Корнеля, Расина, Мольера, Бойля, Декарта, нежели переходом через Рейн, и теми осадами, при которых Людовик лично присутствовал и победой под Турином, которую герцог Орлеанский одержал по приказу Мазарини.

Государи воздают человечеству почтение тем, что они награждают тех от кого их государство получает славу, тем что они поощряют славных мужей, посвятивших себя самоусовершенствованию и распространению таким образом владычество истины.

Блаженны те государи, которые сами упражняются в этих науках! Те, которые с Цицероном, римским консулом, отцом красноречия, провозглашают такие изречения как: науки юношей питают, и услаждают старость, они украшение в счастье, прибежище же и утешение в несчастье, они не препятствуют нам в странствовании, они с нами в домах и в пути, и являются всегда и везде услугой нашей жизни.

Лоренцо Медичи величайший муж своей нации, был миротворцем Италии и восстановителем наук. Его честность снискала ему доверие всех государей. Равным образом и Марк Аврелий, один из величайших римских императоров был не менее счастлив и как герой, и как философ, который соединил упражнение строжайшего нравоучения с теми правилами, которые он сам предписал народу. Эту главу я заключаю я следующими словами: государь, сопровождаемый правосудием, представляет мир храмом, в котором все честные люди, исполняют должности священников.

ГЛАВА XXII. О МИНИСТРАХ ГОСУДАРЕЙ.

Существует два типа государей, одни из них, управляют сами своими землями, другие же, наоборот, полагаясь на верность своих министров, позволяют им управлять собою. И эти министры оказывают на государей большое влияние.

Государи первого рода являются душой своих земель. Они многое делают как внутри государства, так и вне его. При этом они одновременно являются главными вершителями правосудия, военачальниками и казначеями. Они, по Божьему примеру, который для исполнения своих повелений прибегает к помощи совершенных духовных созданий, окружает себя проникательными и трудолюбивыми мужами, осуществляющими все его намерения и претворяющими постепенно все то, что запланировано государем. Министры таких государей являются орудиями в руках мудрого и способного владыки.

Государи второго рода из-за нехватки разума и понимания погружаются в глубочайший сон равнодушия. Если держава, находящаяся в плачевном состоянии, с помощью мудрости министра будет восстановлена, тогда государь является только тенью, которая тем не менее нужна для того, чтобы олицетворять собою единство страны. При

этом ничего лучшего, кроме хорошего министра ему пожелать нельзя. Однако не так легко, как кажется, иметь хорошего министра. Для этого государю нужно очень хорошо знать того, кому он доверяет государственные дела. Насколько легко частному лицу скрыться от очей государя, настолько трудно государю избежать пронизательности своих подданных. Государи второго рода, которые от природы сими не одарены способностью управлять, с помощью выбора хорошего министра, могут восстановить этот свой недостаток.

Государь, который имеет способности к тому, чтобы управлять самостоятельно, не выполняет свое предназначение, если позволяет вместо себя управлять первому министру. Но, и, наоборот, государь, не имеющий от природы таких дарований, озлобляет себя и свой народ свой, если ему не хватает разума отыскать такого разумного мужа, который мог бы вместо него нести бремя управления государством. Хотя природа и не одарила всех людей способностью совершать великие дела, однако каждый человек, если он только этого пожелает, может заметить эти способности в других людях и использовать для выгоды общества. Всем людям дана возможность судить о способностях друг друга. Солдаты рассуждают о добродетелях и недостатках своих офицеров, и, при этом, даже самые величайшие министры оцениваются своими подданными. Таким образом, государь, не способный оценить своих подданных, оказывается хуже обычных людей. Незнающий не может скрыть своего неразумия, напротив, коварный слуга может длительное время льстить своему государю, которого он обманывает для достижения своих собственных целей.

Разве мог Сикст V обмануть семьдесят кардиналов, которые его очень хорошо знали? С другой стороны, частному лицу очень легко ввести в заблуждение государя, который не может знать его в совершенстве.

Рассудительный государь может без всякого труда рассуждать о разуме и способностях людей, служащих ему; что же касается их бескорыстия и преданности, то об этом что-либо знать досконально ему невозможно.

Часто человек кажется добродетельным только потому, что у него не было случая продемонстрировать свои слабости, но при случае может оказаться, что он легко откажется от своей честности. Пока еще Тиберий, Нерон и Калигула не были возведены на престол, ничего плохого о них в Риме не было известно. Их пороки не обнаруживались, поскольку не было случая, который бы приоткрыл скрывающую их завесу.

Много таких людей, которые изрядный разум и дарования сочетали с гнуснейшими и порочными душами, и, напротив, много было таких, которые, не обладая в превосходной степени этими дарованиями, имели великое сердце.

Разумные государи для управления государственными делами внутри страны выбирали людей, имеющих честное сердце, и наоборот, тем, кто славился остротой ума, поручали вести переговоры с представителями иностранных государств. Ибо внутри государства не требуется ничего, кроме порядка и правосудия, и для управления нужен лишь честный человек, но если необходимо побудить к чему-либо соседние державы, то здесь уместна не столько честность, сколько хитрость и остроумие.

Мне кажется, что государь, как бы он ни старался, не в состоянии наградить в достаточной степени тех, кто служит ему верно и с усердием. Польза государя, да и всех знатных лиц состоит в том, что они должны показывать свое великодушие в наградах и наказаниях. Ибо если министры поймут, что добродетель открывает для них путь к благополучию, то они не свернут с дороги благочестия, но предпочтут благодеяния своего владыки подкупу чужого двора.

Некоторые государи подвержены иному опасному пороку. Они легкомысленно часто меняют своих министров, строго наказывая их за малейшую провинность.

Министры, честно выполняющие свои обязанности, не в состоянии скрыть от государя своих пороков, и чем рассудительнее государь, тем быстрее он их в состоянии распознать. Государи, которые не могут философски относиться к слабостям своих слуг,

нетерпимы к их промахам, и, отказывая министрам в должности, ввергают их тем самым в нищету и презрение.

Образованные государи лучше разбираются в человеческой природе. Они знают, что все люди имеют свои достоинства и недостатки, что большие способности могут сочетаться с великими пороками, и, таким образом, находятся с ними в равновесии. Разумный государь должен все это уметь употребить себе на пользу. Поэтому, оставляют они при себе своих министров, удаляя от себя лишь неверных, с их хорошими и плохими свойствами, предпочитая их, тем, кого еще предстоит испытать. Государь уподобляется хорошим музыкантам, которые охотнее играют на том инструменте, крепость и слабость которого им более знакома, чем на новом, свойства которого им еще неизвестны.

ГЛАВА XXIII. КАК ГОСУДАРЮ ИЗБЕГАТЬ ЛЬСТЕЦОВ.

Нет никакой нравственной и исторической книги, в которой уделялось бы столько внимания слабости государей к льстецам. Все желают по справедливости, чтобы государи любили правду, и приучали бы себя к тому, чтобы ее выслушивать, но при этом часто ждут от них того, что противоречит их первоначальному желанию. Все считают, что государи должны быть настолько честлюбивы, чтобы стремиться снискать славу, и совершать великие дела, и в то же самое время хотят, чтобы они были настолько равнодушны, чтобы избегать наград за свои достижения. Та причина, которая побуждает их искать похвалы, должна склонять также и к тому, чтобы ее презирать. Это означает требовать слишком многого от человека. Поэтому от государя требуется более властвовать над собой, чем над другими.

Государи, которые не заботились о своей славе, были или равнодушны ко всему, или чересчур сладострастны, или слишком мягкосердечны. Много имелось государей, которые не были одухотворены никакой добродетелью. Хотя и свирепые тираны старались снискать себе похвалу, однако у них это было вызвано суетностью и стремлением к совершению различных злодеяний. Они желали похвалы, но вместо этого заслуживали презрение. Для злонравного государя лесть бывает смертоносным ядом, для государя же, прославившегося заслугами, лесть — это лишь небольшая ржавчина на их славе. У разумного правителя излишняя лесть вызывает лишь озлобление против льстецов, и он удаляет их от себя.

Кроме того есть и другой род лести. Он был свойствен софистам, которые прославились своим красноречием. Эта лесть укрепляет страсти. Она жестокости придает вид правосудия, расточительности придает обличие щедрости. Подпадая под обаяние этой лести, можно все пороки скрывать под покровом свободного времяпровождения и веселья, и, наконец, это красноречие возвеличивает пороки, чтобы тем самым увенчивать славой порочных героев. Многие из людей внимают этой лести с удовольствием, ибо, оправдывая их вкус, она помогает избежать обвинений в несправедливости. Невозможно, чтобы государи поступили сурово с тем, кто хвалит те достоинства, в наличии которых у себя государи не сомневаются. Такого рода лесть является самой тонкой. Она не описывает побед и осад государя, как это делают историки, она не поет государю дифирамбы в витиеватых предисловиях, не ослепляет государя высокопарным воспоминанием о его успехах, но, приняв вид истины и высокого чувства, нежно отворяет вход в его сердце, притворной добродетелью и справедливостью. Как может государь, будучи великим мужем и героем, не внимать той истине, которая ввиду своей отстраненности не позволяет прогневаться на льстеца, из уст которого она исходит? Как можно было Людовику XIV, который знал, что только одна его осанка внушает страх подчиненным, и находил в этом удовлетворение, прогневаться на одного своего старого офицера, который говоря с ним, дрожал, заикался, останавливался в речах и напоследок провозгласил: «По крайней мере, Ваше Величество, я не трепещу так перед вашим неприятелем!»

Государи, перед тем как они получили власть, были такими же людьми, как и все остальные, и поэтому они могут припомнить то, какими они были ранее, и это убережет их от яда лести. Те же государи, которые всю жизнь правили державой, с самого младенчества, как боги питались фимиамом. Поэтому лести для них жизненно необходима.

По моему мнению, было бы справедливее соболезновать государям в этом отношении, нежели осуждать их. Лстецы, а тем более клеветники, заслуживают проклятие и ненависть всего света, равно как и те, кто, утаивая от государей истину, становятся в один ряд с его неприятелями. Траян⁷⁷ с помощью похвал Плиния Младшего поощрялся к добродетели; в противоположность этому, Тиберий благодаря лести своих сенаторов только укрепился в злодеяниях.

ГЛАВА XXIV. ОТЧЕГО ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРИ ЛИШИЛИСЬ СВОИХ ЗЕМЕЛЬ?

Притча о Кадме, который посеял зубы убитого змея, и из них выросли воинственные народы, истребляющие друг друга, является хорошей иллюстрацией того, что представляли собой итальянские государи во времена Макиавелли. Лживые клятвы и измены, которые были для них не в диковинку, уничтожили их полностью. Если читать итальянскую историю конца четырнадцатого, или начала пятнадцатого века, то в ней нельзя найти ничего иного кроме свирепости, наглости, пренебрежения обязательствами, незаконных завоеваний, тайных убийств, словом, одни только гнусные злодеяния, одно упоминание о которых заставляет содрогаться сердце.

Если бы по примеру Макиавелли попробовать упразднить правосудие, то за этим последовало бы истребление всего человечества: ведь беззаконие могло бы в короткое время все государства в обратить в пустыню. Беззаконие и варварство итальянских государей было причиной того, что они лишились своих земель. Ложные правила Макиавелли без сомнения могут привести к гибели тех, кто настолько глупы, что желают им следовать.

Я ничего не утаиваю. Подлая трусость этих итальянских государей вместе со злостью во многом способствовала их гибели. Бесспорно, что слабость неаполитанских королей была причиной их падения. Кто бы ни говорил, что при оценке этих событий он пользуется некими правилами политической науки, однако, при всем том, ему придется против своей воли прибегнуть к правосудию.

Я спрашиваю Макиавелли, что он имеет в виду, когда говорит: если в государе, который только вошел на престол, то есть, который незаконно получил его, обнаруживаются разум и заслуги, то народ охотнее подчиняется ему, нежели тому кто своей властью обязан праву рождения. Ибо люди больше восхищаются настоящим, чем прошлым, и если оказывается, что это изменение улучшает их жизнь, тогда уже они больше ничего для себя не желают.

Признает ли Макиавелли тем самым, что народ из двоих храбрых и разумных мужей наглого и незаконного победителя предпочитает законному государю? Или понимает он под этим государя без добродетелей и отважного разбойника, который не имеет недостатка в способностях. Что касается первого предположения, то такое вообще невозможно, поскольку не сочетается со здравым смыслом. Любовь народа к тому человеку, который действует против закона, чтобы стать их повелителем, и который в остальном никаких заслуг не имеет, сомнительна. Ибо что заставило бы предпочесть его законному государю? Поэтому и последнее предположение Макиавелли неверно.

⁷⁷ Марк Ульпий Траян (53 – 117) — римский император с 98 г.

Ибо чего можно ждать от такого человека, который начинает свое правления со злодеяния, как не тирании? Может ли муж узнавший в день свадьбы о неверности своей жены, иметь надежду, что она будет ему верна в дальнейшем?

Макиавелли сам себе противоречит в этой главе. Он говорит, что без любви народа, без склонности знатных лиц и без армии, находящейся в хорошем состоянии, не возможно государю взойти на престол. Справедливость принуждает его признать это, но он уподобляется тем проклятым духам, о которых богословы говорят, что они хотя и исповедуют Бога, однако, не перестают Его при этом поносить.

Если какой государь желает снискать любовь народа и знати, то ему следует быть дружелюбным и благодетельным, имея при этом достаточно сил для того, чтобы нести на себе бремя правления.

Должность государя подобна всем остальным. В каком бы человек ни состоял звании, если он несправедлив, то он никак не сможет обрести доверие других людей. Самые несправедливые ищут всегда честных людей, подобно тому, как самые неспособные строятся оказаться в компании знающих и разумных людей. Разве можно быть справедливым самому незначительному бургомистру, если государь имеет право на злодеяние? Кто хочет расположить к себе людей, должен обладать такими свойствами, которые я описал, а тот, которого описал Макиавелли, только и способен на стремление к возвышению себя самого за счет других.

Вот каков оказался наш политический наставник со сброшенной маской. Муж, который в свое время почитался славным, которого хотя и считали опасным многие министры, однако при всем том, его положениям следовали. До сих пор никто не дал ему достойного ответа, и никто не обвинил еще его в тех злодеяниях, которые были совершены по его наущению.

Насколько счастлив был бы тот, кто истребил бы последователей Макиавелли! Я показал, как плохо составлено его учение, теперь же все государи Земли должны посрамить его учение своими делами. Они обязаны избавить свет от ложных понятий, которые восходят к этой политической науке. Политическая наука должна быть учебником мудрости для государей, но не такой, какой является наука Макиавелли, которая годится только в учебники обманщикам. Государи должны истреблять хитросплетения и неверность в отношениях между собой, стремиться к распространению силы, честности и откровенности, которые, если говорить прямо, пока можно найти в немногих монархах. Они обязаны самим делом доказать то, что так же мало стремятся к захвату областей, соседних государств, как и полны решимости сохранить собственные земли. Государь, желающий всем завладеть, подобен тому человеку, который обременяет свой желудок пищей, так что он всего переварит не в состоянии, и наоборот, государь, довольствующийся тем, что он хорошо своим государством управляет, уподобляется человеку, умеренно питающемуся, у которого желудок работает безотказно.

ГЛАВА XXV. О ВЛИЯНИИ ФОРТУНЫ НА ДЕЛА ЭТОГО МИРА, И О ТОМ КАК МОЖНО ПРОТИВОСТОЯТЬ ЕМУ.

Вопрос о человеческой свободе содержит в себе одну из тех задач, которая подвигла многих философов к размышлениям, и который пытались решить многие богословы. Защитники свободы говорят: если люди не имеют последней, тогда Бог действует в них, следовательно с помощью человека он осуществляет убийство, воровство и все злодеяния, что никак не соответствует его святости. Более того, если всевысочайшее Существо будет отцом беззаконий и причиной всех несправедливостей, тогда преступников не следует наказывать, следовательно нет на свете ни злодеяний ни добродетели. Но поскольку это гнусное предположение противоречиво в себе самом, то не остается ничего иного, как допустить существование свободы.

Противники этого скажут, что в этом случае Бог уподобляется архитектору, который действует в темноте, если он при сотворении мира не знал того, что в нем будет происходить. Часовой мастер, скажут они, знает действие даже самой малейшей детали в своих часах, ибо он знает то движение, которое он придал этому механизму, и для чего он сделал каждую зубчатку. И Бог, поэтому, как бесконечное и премудрое Существо, не должен быть бессильным свидетелем человеческих действий. Как можно, чтобы Бог, все дела которого несут на себе печать Его порядка, и который все вещи подчинил постоянным и неизменным законам, только одного человека мог сделать неподвластным. В этом случае не Божественное Провидение управляло бы миром, но человеческое своеволие. Поэтому из Человека и Бога надлежит избрать того, кто является источником закономерного движения. Понятно, что скорее человека следует признать ведомым, поскольку именно он подвержен слабости и непостоянству. Таким образом, разум и слабости являются той цепью, с помощью которой десница Провидения управляет человеческим родом, чтобы вести его через препятствия, которые предопределены вечной премудростью.

Таким образом, приближаются они к одной пропасти, когда стремятся избежать другой. Философы взаимно ввергают себя в бездну нелепостей; богословы же борются во мраке, и из любви к нему себя проклинаят. Эти партии сражаются между собою также, как некогда боролись карфагеняне с римлянами. Когда первые опасались, видеть римское войско в Африке, то переносили пламя войны в Италию, и когда в Риме от Ганнибала, которого они боялись, стремились избавиться, то посылали Сципиона с легионами под Карфаген. Философы, богословы и многие «герои силлогизмов» имеют те же самые качества, что и французы. Они во время приступа храбры; но могут вдруг проиграть, если не позаботятся о защите. Один из остроумнейших людей говорил по этому поводу: Бог является отцом всех сект, ибо он дал всем равное оружие, одну добрую и одну худую сторону.

Макиавелли, заимствуя вопрос о свободе и предопределении из метафизики, включил его также и в политическую науку. Однако эта тема не дает ему никакого материала, который бы подходил для учения о государстве. Здесь бесполезно спрашивать о том, что является причиной происходящего: свобода, удача, или случайность. Единственно, о чем мы должны помышлять, так это о совершенствовании разума.

Счастье и случай — это слова, которые зависят от чувства. Они, по-видимому, обязаны своим происхождением глубокому неведению: эти имена даются вещам тогда, когда причины произошедшего еще неизвестны.

То, что простой народ называет счастьем Цезаря, является ни чем иным, как собранием всех тех приключений и обстоятельств, которые сопутствовали намерениям этого честолюбивого государя. Но что подразумевалось под несчастьем Катона⁷⁸, то были случившиеся с ним внезапные неудачи, за которыми так быстро последовали несчастья, которые он не мог предвидеть и отворотить.

Но что следует разуметь под словом «рок», нельзя объяснить иначе как на примере игры в кости. Бывает, что мне вместо двенадцати выпадает семь очей. Если с помощью естественных причин рассмотреть то, что последовало за бросанием, то надо иметь необычное зрение, чтобы увидеть, какое положение получали кости в стакане. Один раз или более, они переворачивались? Достаточное ли движение они получили? Собрав все эти причины воедино мы получим то, что называют случаем или роком.

Как долго будем мы, люди, ограниченными существами, которые понятия не имеют о том, что они называют роком? Мы обязаны исследовать естественные причины, однако жизнь наша столь скоротечна, что разум не в состоянии все это согласовать между собой.

⁷⁸ Катон Младший (95 – 46 гг. до н. э.) — противник Цезаря. Тяжело переживал фактическое падение республики, в 46 г. до н. э. после поражения помпеянцев сражении при Тапсе (Северная Африка) покончил жизнь самоубийством.

Я намерен представить некоторые примеры, и с их помощью ясно доказать, что не может человеческий разум все предвидеть. Первый пример, это внезапное нападение на город Кремону, которое задумал принц Евгений с необыкновенной смелостью и остроумием, и которое он с чрезвычайной отвагой осуществил. Но что за этим последовало? Его намерение ему изменило. Принц Евгений пришел в город утром по каналу для нечистот, который был ему показан одним из священников. Он вне всякого сомнения захватил бы город, если бы ему не помешали два случая. Во-первых, городской полк вышел на учения раньше обычного и удерживал участок прорыва неприятеля до подхода остального гарнизона. Ошибся и тот проводник, который принца Водемонта должен был подвести к городским воротам, поэтому, когда этот принц подошел к городским воротам, было уже поздно⁷⁹.

Другой пример, который я хочу привести, касается заключения мира, то есть событий, которые произошли в конце войны за Испанское наследство между Англией и Францией. Ни министры императора Иосифа, ни самые великие философы и искуснейшие политики не могли предвидеть того, что пара перчаток может изменить судьбы всей Европы. А произошло следующее.

Герцогиня Мальборо была тогда гофмейстериной при королеве Анне, в то самое время, когда ее супруг в брабантском походе пожинал лавры и богатство. Герцогиня с помощью милости королевы поддерживала интересы мужа при дворе, а он своими победами возвышал свою супругу. Таким образом, пока она была при королеве, противостоящие герцогу Мальборо тори не могли преуспеть в стремлении заключить мир. Но герцогиня лишилась благоволения королевы из-за ничтожной вещи. Королева и герцогиня заказали одинаковые перчатки. Нетерпение заставило герцогиню принудить перчаточницу изготовить ее пару быстрее, чем королевскую. С другой стороны, и королева желала получить свою пару раньше герцогини. Между тем одна из противниц герцогини при дворе уведомила королеву о желании Мальборо получить перчатки раньше нее. Королева с этого времени хотя и продолжала смотреть на герцогиню как на наперстницу, однако уже не могла мириться с ее гордостью. И, наконец, когда мастерица пожаловалась королеве на то, что герцогиня принуждает ее сделать перчатки раньше королева окончательно разгневалась. Такое ничтожное событие имело следствием неприятности, которых стоит ожидать от королевской немилости. Тори воспользовались случаем, чтобы укрепить позиции своей партии при дворе.

Вместе с немилостью королевы к герцогине Мальборо оказались в немилости при дворе и виги, и те, кто представлял императора и его союзников при английском дворе. Таким образом провидение смеется над всей мудростью и величием человека, показывая, что столь смехотворные причины оказываются в состоянии изменить судьбы монархий.

В результате женщины избавили Людовика XIV от таких обстоятельств, в которых ни его остроумие, ни армия, ни вся его сила не могла бы ему помочь. Именно они принудили союзников заключить мир против их воли.⁸⁰

Такого рода случаи очень редки и они не могут принизить человеческий разум. Они подобны тем болезням, которые хотя и причиняют нам неприятности, все же не могут помешать наслаждаться телесным здоровьем.

Поэтому необходимо, чтобы власть имущие стремились совершенствовать свой разум. Однако этого недостаточно, для того, чтобы быть удачливым в делах нужно уметь соотносить свои действия с обстоятельствами, а это бывает очень трудно.

Вообще я говорю о двух типах людей, о тех, кто обладает энергичным и медлительным характером. Это различие в характерах имеет свои следствия. Государь не может подобно хамелеону изменять свое обличие. Иные времена способствуют людям

⁷⁹ Речь идет о Кремонском сражении, состоявшемся 1 февраля 1702 г.

⁸⁰ На самом деле причиной сепаратного мира Франции с Англией стали противоречия между последней и австрийским императором Иосифом, стремившимся после победы над Людовиком присоединить Испанию к своей империи.

дерзновенным, которые, казалось бы, рождены для битв, войн и всякого рода возмущений. Беспокойный характер и недоверчивость, свойственные многим великим государям, дают возможность неприятелю воспользоваться их несогласием. Таким образом, междуусобицы американских индейцев помогли Фердинанду Кортесу покорить Мексику.

В другие времена мир не развивается так быстро. Он требует, чтобы им управляли с послаблением и кротостью. Тогда ничего от правителя не нужно, кроме разума и предосторожности, и в управлении господствует благословенная тишина, которая, наступает, как правило, после великого волнения.

В такое время переговорами добиться можно гораздо большего, чем войнами, и то, что не достигается оружием, может быть получено с помощью пера и чернил. Но чтобы великий государь во всех случаях мог добиваться своего, ему следует учиться у разумного кормчего.

Если бы полководец в соответствующее время был отважным и осторожным, он мог быть почти непобедимым. Фабий⁸¹ превосходил Ганнибала только своей медлительностью. Этот римлянин знал совершенно точно, что карфагеняне имели недостаток в деньгах и нуждались в пополнении войска, и что он не вынимая меча из ножен может победить всю армию, которая с каждым днем таяла от голода и лишений. Политика же Ганнибала состояла в стремлении к сражению. Власть его опиралась на случай, от которого он ожидал очень скорых выгод. Он заставлял людей подчиняться, давая почувствовать им свою силу в ужасных и вспыльчивых поступках.

Если бы баварский курфюрст и маршал де Таллар в 1704 году не выступили из Баварии к Бленхейму, то они, без сомнения, овладели бы всей Швабией, поскольку союзная армия, из-за недостатка в съестных припасах, не могла более находиться в Баварии. Ей необходимо было немедленно отступать к Майну, и затем распустить все свое войско. Это не случилось из-за того, что курфюрст решил дать сражение, и это его решение стало причиной того, что Бавария потеряла земли между Оберфальцем и Рейном⁸².

Не принято говорить о том немислимом количестве солдат, которые гибнут на войне, но только о тех, кому сопутствовало счастье. Здесь происходит то же самое, что и с сновидениями и прорицаниями, ибо из тысяч предсказаний и провидений, преданных совершенному забвению, вспоминаются те, что на деле исполнились. Происхождение вещей следует рассматривать по их причинам, но не причины выводить из вещей.

Из этого следует, что народ при дерзновенном государе на все отваживается потому, что он находится в постоянной опасности, осторожный же государь, если он неспособен к великим делам, больше, кажется склонен к делам, связанным с внутренним управлением. Поэтому один из них дерзает, а другой сохраняет.

Если же и тот и другой желают прославиться, то им следует родиться в соответствующее их характеру время, в противном случае их дарования будут для них больше вредны, нежели полезны.

Каждый разумный человек, а особенно те, кому выпало властвовать, должны выработать план своего поведения, где все действия были бы сопряжены друг с другом наподобие математического доказательства. Тогда можно было бы все случаи обращать в свою пользу.

Но где такие государи, которые обладают столь редкими дарованиями? Государи всего лишь люди и, поэтому, тот тип поведения, когда они соответствуют любым обстоятельствам, невозможен. Народ довольствуется делами великих государей, трудами, которые они осуществляют по мере своих сил. Наисовершеннейшие из них — те, которые далеки от науки управления, преподанной Макиавелли. Их пороки бывают терпимы, если

⁸¹ Имеется в виду римский диктатор Фабий Кунктатор, который во время войны с Ганнибалом успешно навязывал противнику тактику постоянного уклонения от решительного сражения.

⁸² Имеется в виду Бленхеймская кампания 1704 г., в которой франко-баварское войско потерпело сокрушительное поражение от союзной армии имперцев и англичан.

они уравновешены многими замечательными деяниями. Надо помнить всегда о том, что в мире нет ничего совершенного, и что заблуждение свойственно всем людям. Наисчастливейшим является то государство, где взаимная забота государя и подданных делают общественную жизнь приятной и легкой, без чего человеческое существование становится несносным бременем.

ГЛАВА XXVI. О РАЗНЫХ РОДА ПЕРЕГОВОРАХ, И О ТЕХ ПРИЧИНАХ ВОЙНЫ, КОТОРЫЕ МОЖНО НАЗВАТЬ ЗАКОННЫМИ.

Мы рассмотрели в этом сочинении несправедливость тех правил, которыми Макиавелли хотел привлечь нас на свою сторону. Вместо добродетельных людей, он ставил нам в пример злобных и беззаконных правителей.

Я старался отделить пороки от добродетелей, и избавить свет от тех заблуждений, которые они заимствует из этой политической науки для государей. Я заметил лишь, что истинная наука правления должна состоять в том, чтобы превзойти своих подданных в добродетели, дабы они не были вынуждены, проклинать у других то, к чему они своими примерами подают повод. Я показал, что недостаточно только утверждения своей славы, и действий для достижения той славы, которая видна всякому; но я сказал, что нужны такие поступки, которые относятся к благоденствию рода человеческого.

Я намерен еще присовокупить к этому два рассуждения, одно из которых касается переговоров, а другое заключает в себе побуждения к сражению, которые можно назвать законными.

Министры государей, находящиеся при иностранных дворах, являются ни кем иным, как привилегированными разведчиками, которые следят за поступками тех государей, к которым они отправлены. Они должны выведывать их намерения, исследовать их предприятия и предвидеть их действия, чтобы в надлежащее время поставить об этом в известность своих владык. Главная причина, для чего они отправляются к иностранным дворам, — укрепление союза. Однако вместо того, чтобы быть опорой мира, они нередко становятся орудиями войны. Они употребляют лесть и обманы, чтобы выведать у чиновников их политические тайны. Слабых склоняют они на свою сторону интригами и угрозами, кичливых словами, а корыстолюбивых подарками. Словом, они создают иногда столько зла, сколько могут сделать, думая при этом, что они, совершая грех по должности, находятся в безопасности.

Государи должны оберегать себя от хитрости этих шпионов. Если дело заключается в том, чтобы заключить союз, то, в этом случае, государь должен быть гораздо осторожнее, чем во всех остальных случаях. Поэтому следует с величайшим тщанием рассматривать те положения, которые составляют основу договора, чтобы впоследствии не возникло препятствий к их выполнению.

Что касается договора, все пункты которого в тонкостях описаны, то при его выполнении нередко они начинают приобретать совершенно иной вид. Ибо то, что в нем показано как выгода, при подробном испытании оборачивается многими бедами, приводящими к разорению государства. Поэтому, требуется, чтобы в договоре все выражения были ясны. И всегда строгий грамматик должен в государе предшествовать искусному политику, дабы различие между словами и действительным содержанием договора не имело места.

Поэтому надлежит политической науке принести пользу в том, чтобы обучать желающих заключать союзы избегать тех погрешностей, которые возникают из-за торопливости государей. Они, зная об этих погрешностях, имели бы время для полезных размышлений.

Не все переговоры ведутся достойными министрами, часто посылаются известные персоны, не состоящие в публичной службе, они имеют свободу по своему толковать некоторые положения, поскольку не связаны службой с государем. Подготовка к

заклучению мира после последней войны, императором и Францией велась таким образом, что о них не знало ни государство, ни армия, ни флот. Он был заключен был у одного графа, (Фон Нейвида) владения которого находятся на Рейне.

Виктор Амадей, бывший в свое время самым искусным и хитрым князем, умел скрывать свои предприятия гораздо лучше, чем все остальные. Его хитрости не один раз приводили Европу в недоумение, из которых памятна одна совершенная маршалом Катиной, который, одевшись в монашеское платье под видом приведения королевской души, отвлек Амадея от императора, и склонил на сторону Франции. Этот сцена между королем и генералом, была разыграна так искусно, что последовавший договор между Францией и Савоей стал для всей Европы неожиданным политическим явлением.⁸³

Я не намерен ни оправдывать поступок Виктора Амадея, ни порочить его, тем более приводить его в пример государям. Я только нашел в нем достойную похвалы сообразительность и молчаливость. Эти свойства бывают нужны великому Государю, если употреблять их на благое дело.

Общим правилом является то, что, министров, обладающих способностью понимания ситуации, следует использовать для важных переговоров, льстивых для подстрекательства к войне, а обаятельных для снискания любви. Однако все они должны быть прозорливы, чтобы уметь тайну прочитывать по лицу, и чтобы от их проницательного взора ничего не могло скрыться.

Однако же лесть и хитрость не следует употреблять без нужды. С этим бывает то же самое, что и с пряными кореньями, ежели употребить их много в пище, то они затмят вкус и то язык к ним привыкший не сможет почувствовать их пряности.

Честность же необходима всегда. Она подобна простой и естественной пище, которая всякому организму полезна и укрепляет тело, не распаляя его.

Государю, честность которого известна каждому, без сомнения, будет доверять вся Европа. Он без обмана будет счастлив и могуществен, — лишь благодаря своей добродетели. Спокойствие и благоденствие государства являются целью, в которой все способы управления сходятся воедино. И они же являются целью всех переговоров.

Спокойствие Европы основывается на мудром равновесии, когда сила одних монархий сдерживается силой других. Итак, если это равновесие уничтожить, тогда следовало бы бояться смены образа правления в государствах и падения королей, которые обессилили себя распрями. Закончилось бы это все учреждением новой монархии.

Наука управления требует от европейских государей того, чтобы они не забывали заключать договоры и соглашения. Иначе как они справятся с честолюбием власти и уберегутся от тех, кто сеет в их душах эти семена. Вспомни об одном консуле, который желая доказать необходимость в согласии, схватил за хвост лошадь, и безо всякого успеха пытался его оторвать. Но он добился того, чего хотел, выщипав хвост по одному волоску. Это наставление для некоторых государей нынешнего времени столь же необходимо, как и для римских легионов. Ничто не может сделать их государства изобильными, и ничто не в состоянии, сохранить в Европе мир и спокойствие, кроме согласия государей.

Сколь счастлив был бы мир, если бы, в деле сохранения правосудия и восстановления между народами мира и согласия, не было бы иного средства, кроме переговоров. Тогда вместо оружия и стремления уничтожить друг друга, государи прибегали бы только к разумным доводам. Однако печальная необходимость нередко принуждает государей, избирать для себя жестокую стезю.

Бывают случаи, что свободу народа, угнетаемого несправедливым образом, следует защищать оружием, и государь благоденствие своего народа должен доверить судьбе. В этом случае, справедливо то, что удачная война может привести к удачному миру.

⁸³ Речь идет о союзе герцога Савойского и Людовика XIV в войне за испанское наследство.

Причина войны делает ее справедливой, либо наоборот. Страсти и честолюбие государей часто ослепляют их, приукрашивая самые неприглядные действия. Война является крайним средством, к которому прибегает государь, не имея другого выхода.

Война ведется часто ради защиты, и такая, безусловно, является справедливой из всех войн.

Нередко война ведется для сохранения того права государя, на которое покушаются другие. Таким образом, защищает он свое право мечом. И война должна доказать справедливость его доводов.

Война бывает также с далеко идущими планами, и государь поступает в этом случае разумно, ежели ее начинает. Правда, хотя это и является войной жестокой, однако, он бывает справедлив в этом случае. Если бы ныне безмерная сила какого-либо государства, угрожала всему миру, разумным стал бы поступок государя, который стремился бы удержать течение этой реки. Если гроза собирает облака в кучу, и молния предвещает непогоду, и один государь этой грозе противится не в состоянии, то он соединяется со всеми, кому грозит такая же опасность. Если бы египетские, ассирийские и македонские короли соединились в союз против римской силы, то она никак не смогла бы покорить эти государства. Разумный союз и скорая война могли бы сдерживать честолюбивое намерение, исполнение которого весь мир заключало в оковы.

Разумение требует того, чтобы малое зло предпочитать большому, и, вместо неизвестного, избирать известное, поэтому было бы гораздо лучше, чтобы государь, коли это в его воле, вступал в жестокую войну для снискания лавровой ветви, нежели дожидался опаснейших времен, когда объявление войны могут лишь на несколько минут отсрочить его рабство и падение. Во всякое время справедливо то правило, что лучше упреждать других, нежели быть упрежденным ими. В таких случаях удача всегда сопутствовала великим мужам.

Государи бывают замешаны в войну своих союзников, и вынуждены в соответствии со своим договором представить вспомогательное войско. И поскольку никому из европейских великих государей, чтобы самостоятельно противостоять врагу, без союзов обойтись невозможно, то обязываются они в случае нужды помогать друг другу, что, в самом деле, способствует их безопасности. События показывают, кто из них вкушает плоды этого обязательства. Счастливый случай бывает благосклонен одному, а выгодное обстоятельство является опорой для другого, поэтому честность и разумение требует от государей равного исполнения своих обязательств, тем более, что союз призван защитить их народы.

Итак, отсюда следует, что справедлива будет та война, которая ведется для того, чтобы противостоять нападению, сохранять права, и защищать свободу. Великий государь, ведущий войну такого рода, не может ставить себе в упрек пролитие крови. Он поступает в этом случае так, как ему следовало, поскольку в подобных обстоятельствах война — меньшее зло, чем мир.

Это заставляет меня вспомнить о тех государях древности, которые делали своим промыслом торговлю своим народом, его свободой и кровью. Их дворы походили на помещение для аукциона, где они продавали тем больше людей, чем больше им обещали денег. Эти государи думали не о союзниках, а лишь о своей выгоде. Долг солдата состоит в том, чтобы защищать свое отечество. Если же его отдавать внаем другим государям, как некоторые одалживают собак, то в этом случае он поступает во вред своей деятельности и тем боеспособности своего государства. Говорят, что нельзя продавать священных вещей; однако что может быть священнее человеческой крови?

Что касается религиозной войны, то она происходит внутри государства почти всегда от недостаточного разума государей. Если он поддерживает одно вероисповедание, другое же, наоборот, стремится притеснить, особенно если он притесняет религию пользующуюся поддержкой в народе, то это способствует еще большему разобщению верующих и разжигает пламя большой войны.

Если же великий государь печется об управлении гражданами, и предоставляет каждому, пользоваться свободой совести, и если он всегда является только государем, не делая никогда себя священником; тогда он имеет верное средство, уберечь свое государство от возмущений, которые разжигаются воинствующими богословами.

Религиозные войны, ведущиеся за пределами государства вздорны и несправедливы в высочайшей степени. Поистине, разве можно считать справедливой войну, которую мог бы вести Карл Великий, заставляя все народы от Греции до Саксонии принимать христианство. Сумашествие крестовых походов больше не существует, и пусть хранит нас небо от их повторения этого.

Вообще, всякая война приносит столько несчастий, и пагубных последствий для государства, что государи должны очень хорошо подумать, прежде чем вступать в нее. Я уверен в том, что если бы государи могли представить те беды, которые уготованы народам объявлением войны, то они были бы более ответственны в принятии решения о том следует ли начинать ее, или нет. Однако воображение их не простирается так далеко, чтобы увидеть будущие несчастья народа. Как можно государям не понимать какие бедствия несет с собой война: народ угнетается налогами, страна лишается многих молодых людей, неприятельский меч и пули пожирают народ толпами, раненные, лишившиеся своих членов, единственного средства для добычи пропитания, гибнут в нищете, и, наконец, скольких полезных граждан теряет государство.

Государи, считающие подданных своих рабами, без всякого милосердия используют их в войне и лишаются их без сожаления, напротив, государи, считающие граждан равными себе, и являющиеся душой народного тела, берегут жизни своих подданных.

В заключение этого моего сочинения прошу монархов не обижаться на ту свободу, с которой я все это изложил. Я ставил своей задачей говорить истину с тем, чтобы пробудить добродетель, никому не делая снисхождения. О царствующих ныне государях я столь высокого мнения, что полагаю их достойными правды. Что же касается Нерона, Александра VI, Цезаря Борджиа и Людовика XI; то этого о них сказать не могу. Слава богу, что мы не видим уже среди европейских государей людей такого типа. О них ничего нельзя сказать иного, кроме того, что в подобных тиранах следует порицать все позорящее честь правителя и попирающее справедливость.